

Личности в истории

Интересно о важном

Сборник статей
Личности в истории

«ИП Карелин»

2015

УДК 929(470+571)-051
ББК 63.3(2)

Сборник статей

Личности в истории / Сборник статей — «ИП Карелин»,
2015 — (Интересно о важном)

Когда нам нужен пример, мы обращаемся к опыту выдающихся людей. Их биографии вдохновляют на свершения, их опыт бесценен, им хочется соответствовать внутренне и в своих поступках. Правители, писатели, ученые, философы, просветители, музыканты, художники прошлых веков и современности – им посвящен сборник статей «Личности в истории». Поскольку среди них немало наших с вами соотечественников, то посвященные им статьи мы вынесли в отдельный сборник «Личности в истории. Россия», который вышел из печати в 2014 г. Статьи эти на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызвали огромный читательский интерес. Авторы статей – ученые, преподаватели естественных наук и философы, имеющие большой практический опыт.

УДК 929(470+571)-051
ББК 63.3(2)

© Сборник статей, 2015
© ИП Карелин, 2015

Содержание

Философы и просветители	5
Лао-цзы	5
Эпиктет	8
Геродот по прозвищу «доверия достойный»	11
Зенон Китийский	15
Сократ	18
Плотин	23
Ипатия	26
Рамон Луллий. Рыцарь любви	29
Авиценна. «Князь философов, князь врачей...»	33
Николай Кузанский	43
Джордано Бруно – титан эпохи Возрождения	51
Иоганн Гутенберг: человек тысячелетия	60
Флоренция превыше всего. Жизнь Никколо Макиавелли	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Личности в истории

Сборник статей

Философы и просветители

Лао-цзы Дмитрий Зубов

Он родился в деревне «Искривленная доброта» уезда «Горький» в местечке «Жестокое». Пробыв в чреве матери 81 год, он вышел из ее бедра уже древним стариком. Лао-цзы... Имя его можно перевести как «Старый учитель» или «Вечный ребенок», а можно и наоборот: «Старый ребенок» и «Вечный учитель». Любой вариант не будет лишен смысла. Он вел неприметную жизнь архивариуса при дворе правителя Чжоу, а когда пришел срок, сел на черного быка и отправился в сторону Западных гор. На границе, вняв просьбе таможенника оставить людям наставления, он в один присест написал «трактат в пять тысяч иероглифов». Так родилась знаменитая «Книга о Дао и Дэ» («Дао-дэ цзин»). Сам же Лао-цзы продолжил свой путь на Запад, где, согласно легенде, стал Буддой.

Лао-цзы

Почему в мире столько войн и конфликтов? Почему в обществе царят несправедливость и преступления? Почему мы сами так часто грустим, тоскуем и, как правило, недовольны своей судьбой? Ответ Лао-цзы прост: мы привязаны к своим мнениям и взглядам, мы действуем, повинуюсь собственным желаниям и целям, и, что еще хуже, мы навязываем свою волю и свои представления всему и вся.

Мы совсем забыли, что на самом деле миром правит Дао. Дао – это Истина и одновременно Путь к ней. Дао – начало всех вещей, закон и правила жизни. Оно пронизывает собой сущее, оживляет и направляет все, в том числе и нас. Поэтому для человека жизнь подлинная, исполненная Дэ (благой силы, совершенства) есть отказ от потакания своим желаниям ради следования вселенскому закону. Нужно забыть все «правильные» ответы, нужно отказаться от бесконечной погони за вещами и комфортом, нужно забыть про корысть и тщеславие, нужно стать самим собой: ребенком и даже глупцом – чистым и невинным, и тогда жизнь обретет гармонию и смысл.

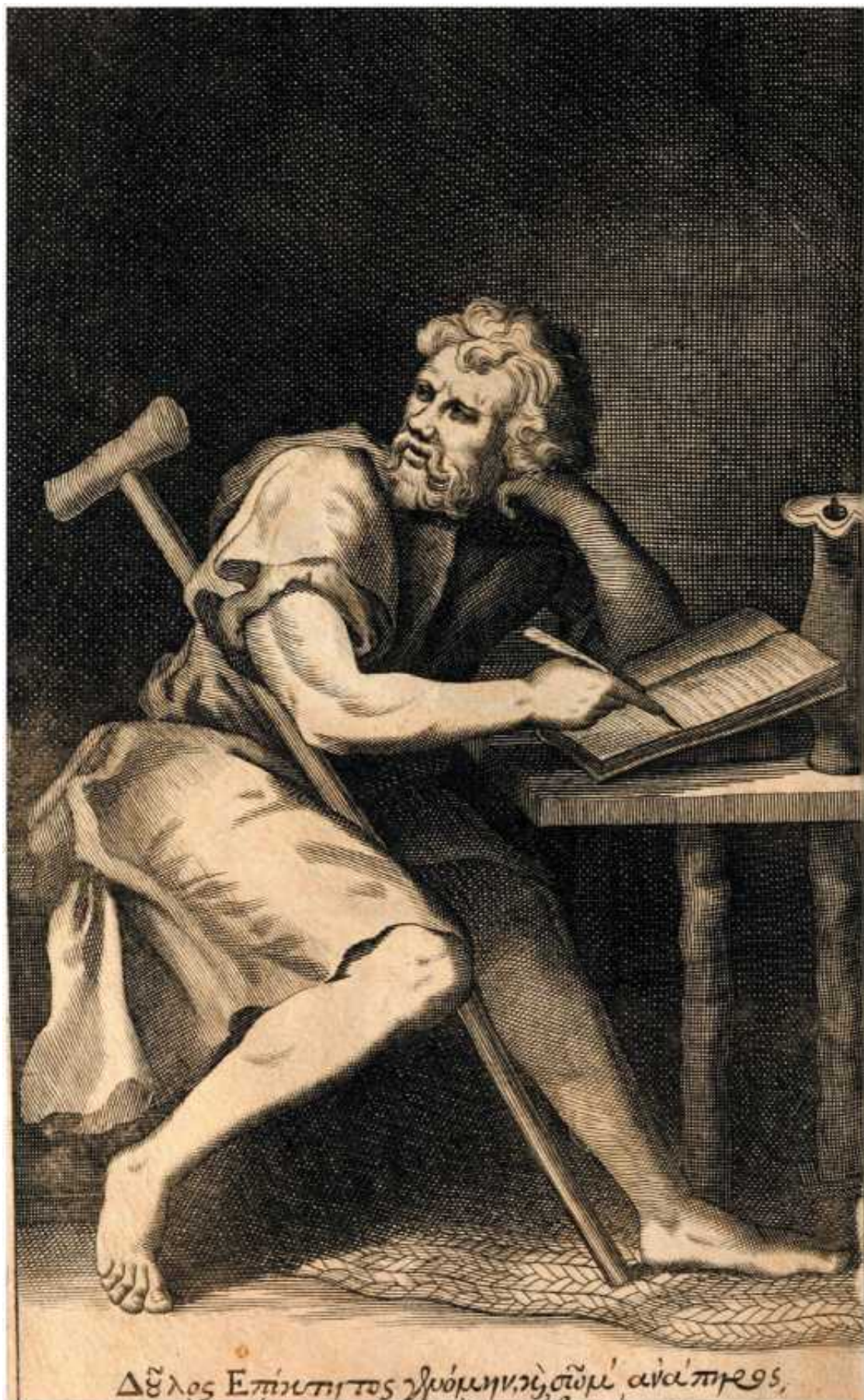
Сложно? Начните с прочтения «Дао-дэ цзин». Противоречия и парадоксы этой книги помогут сделать первый шаг – они разобьют ваши стереотипы, научат, не цепляясь за слова, читать между строк, помогут преодолеть внутренние ограничения и раздвинуть горизонты.

Прочли и ничего не поняли? Прочтите еще раз. Как шутил один даос: «Если я три дня не читаю „Дао-дэ цзин“, язык у меня становится будто деревянный».

Эпиктет

Дмитрий Зубов

Насколько вы, читатель, ощущаете себя свободным? На 20, 50, 70 процентов, и то не всегда? А что мешает вам быть свободным полностью? Среди причин наверняка окажутся большая загрузка на работе, тиран начальник, утомительные домашние обязанности, вечная нехватка денег, плохое здоровье и еще масса обстоятельств, сковывающих по рукам и ногам. Все это так, но вот парадокс! Почти две тысячи лет назад жил философ, которого смело можно назвать самым свободным человеком в Римской империи, и при этом он долгое время был... рабом. Даже его имя Эпиктет в переводе с греческого означает «купленный». Как же он смог совместить свободу и рабское существование, причем у жестокого и бездушного хозяина?

Эпиктет

Секрет Эпиктета кроется в стоицизме – философии, которой он придерживался всю жизнь. Эпиктет советовал разделить все вещи в этом мире на две части: на то, что от нас не зависит, и то, что зависит в полной мере. От нас мало зависят наши бедность и богатство, здоровье и болезнь, то, как мы выглядим в глазах других людей, и то, в какой день и час мы умрем. Мы, конечно, можем ставить себе определенные цели и планировать нашу жизнь, но их исполнению всегда будут мешать всякие препятствия и случайности. Свободный же человек, по мысли Эпиктета, распоряжается только тем, чем может распоряжаться беспрепятственно, то есть самим собой.

Свобода достигается только тогда, когда человек становится независимым от внешних обстоятельств. По отношению же к внутренней своей жизни он свободен всегда, потому что всегда может бороться со своими пороками и поступать так, как велит ему его совесть. Именно слабости и неразумные желания – самые коварные угнетатели нашей свободы. Стоит только возжелать денег, славы или комфортной жизни, как, сами того не замечая, мы попадаем в зависимость от тех, кто эти желанные нам вещи может дать или отнять, будь то чиновники, мировой кризис, мошенники или стихийные бедствия. Мы легко становимся рабами рекламы, моды, мнения толпы, которые упорно навязывают чуждые нам представления об успешной и счастливой жизни. Результат такой зависимости всегда один – страх. Страх не добиться всего, что хотел, и потерять то, что уже имеешь. А страх и свобода – несовместимы.

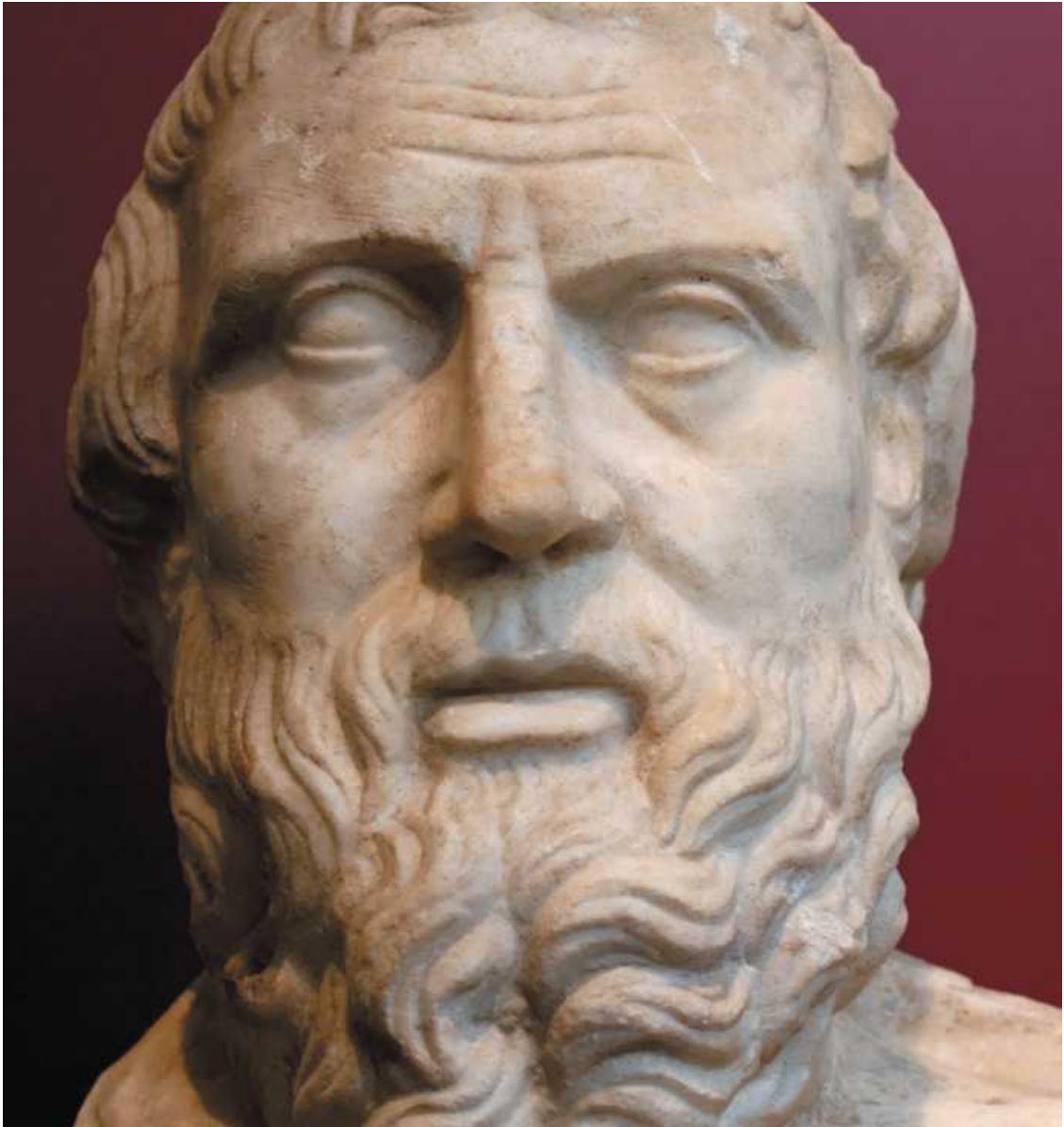
Лев в зоопарке, даже если его хорошо кормят, холят и лелеют, всегда тоскует, потому что, лишенный свободы, он не может исполнять свой львиный закон. У человека тоже есть закон: быть добродетельным, разумным, справедливым. Только исполняя свой закон, он становится свободным.

Геродот по прозвищу «доверия достойный» Дана Габриэлова

Как известно, история изучает выдающиеся деяния и героические подвиги – плоды великих стремлений и идей. Но и так называемые мелочи – нашу повседневную жизнь – не оставляют без внимания. Ведь именно эти «мелочи» зачастую определяют наши интересы, образ мыслей и действия.

Я предлагаю вам ближе познакомиться с одним из первых и величайших историков – Геродотом, который подобные «мелочи» считал крайне важными, что восхищало одних и возмущало других. Марк Туллий Цицерон (I век) назвал его *Pater historiae* – «отец истории», выразив таким образом свое восхищение и уважение. А всеобъемлющий по своему характеру труд Геродота, заложивший основы греческой историографии, считал истинным художественным произведением.

Плутарх же из Херонеи написал сочинение *Peri tes Herodotu kakoetheias* – «О злонравии Геродота» (I век), поскольку считал его фальсификатором, который сознательно умалчивает о некоторых событиях либо приукрашивает их.

Геродот

Критиков у Геродота было много. Назовем для примера Фукидида, основателя прагматического направления в изучении истории, который обвинял его в недостатке критичности и в непонимании причин событий. Упомянем и Ктесия, считавшего Геродота рассказчиком историй, а не историком. Но факт остается фактом: как все философы черпали из Платона, так и все историки опирались на Геродота. Даже многих противников очаровала его манера изложения, которая положила начало так называемому нарративному стилю (от *narare* – «рассказывать»). Этот стиль отличается тем, что автор стремится как можно точнее обрисовать случившееся и не пускается в рассуждения о том, какие последствия оно может иметь. Он объективен в описании событий и условий, причин и следствий. Соблюдение хронологии сочетается с эмоциональностью изложения и любознательностью. Такой стиль позволяет избежать искажений и преувеличений. Так что Геродот действительно сделал шаг вперед в изучении истории.

У истоков историографии

Слово *historia* ионийское по происхождению. В прошлом оно означало расследование, изучение и науку вообще. Позднее было общим названием таких областей знания, как геогра-

фия, народоведение, история. А это говорит о том, что с давних пор историки придавали значение всем факторам, влиявшим на развитие человека и общества.

Греческая культура долгое время испытывала влияние мифов, повествовавших о временах доисторических, о легендарном прошлом, о происхождении богов и человека, о возникновении и эволюции мира, о героических деяниях предков. А фиксирование событий малой, человеческой истории было вызвано практической необходимостью. В Греции велись хроники правителей, должностных лиц, священнослужителей, победителей игр, записывались договоры и принятые законы.

Ионийцы первыми расстались с мифологическим мышлением. Они вышли за пределы греческого мира и, проникая в царства Малой Азии, начали открывать для себя их историю. Так в VI веке до н. э. возник героический эпос. И одновременно с ним рассказчик, который вел свое повествование в прозе, – *logopois* (от *logos* «речь», *poio* «делаю»), а позднее *logografos* (*grafo* «пишу»). Он говорил о приключениях, о дальних странах, о деяниях правителей. Случаи из жизни простых людей – новеллы (*novus* «новый») – давали любознательным слушателям пищу для ума. Очень скоро стали рассказывать о прошлом, хотя сначала этим занимались одни лишь торговцы, которые в своих странствиях знакомились с образом жизни и традициями разных народов.

Первым путешественником и одновременно историком был Гекатей Милетский (ок. 500 лет до н. э.). Свои путешествия он описал в *Periegesis* – «Обзрении земли», дополненном картой, и *Genealogiai* – «Генеалогиях». Его труды не сохранились, но их влияние видно в сочинениях многих последователей.

Жизнь Геродота

Бесспорно, Геродот был крупнейшим историком того времени, чье наследие, в отличие от других, сохранилось. Родился он около 484 года до н. э. предположительно в Галикарнасе (Малая Азия) и происходил из уважаемой состоятельной семьи. Отца его звали Люкс (по другим источникам – Ликс), а мать – Дрио или Ройо. О предках Геродота достоверно известно лишь то, что его дядей был знаменитый поэт Паниасид, автор эпоса «Гераклия». Общение с ним повлияло на желание Геродота стать историком и помогло ему выработать свой красочный стиль.

В то время в Галикарнасе правил тиран Лигдамид, и демократы, среди которых была и родня Геродота, подняли против него восстание. Но их попытка оказалась неудачной. Паниасид был убит, а Геродот бежал на остров Самос. Оттуда в 448–445 годах до н. э. он и совершил свое первое путешествие: Фивы, Дельфы, Спарта, Фракия, Македония, побережье Черного моря, Дарданеллы... Тем временем греческие города в Малой Азии освободились от персидской зависимости, и вместе с другими беженцами Геродот смог вернуться на родину, где было восстановлено самоуправление.

Он отправляется на Сицилию, затем оказывается в Афинах – правление Перикла вызывает у него восхищение. Его большое путешествие в Азию и Египет приходится на 440–430 годы до н. э., а в конце жизни он выезжает в недавно основанный город Фурий. И везде Геродот продолжает писать свой труд, который завершает уже в Афинах, где и умирает в 424 году до н. э.

Что сделал Геродот

Маршруты путешествий Геродота охватывают территорию нынешних Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратов и Египта. Он не делал различия между греками и варварами и одинаково объективно описывал события и деяния людей, даже в тех случаях, когда как гражданин занимал иную позицию. Он рассказал о возникнове-

нии, расцвете и поражении Персидской империи и отметил различия между европейскими и азиатскими обществами, проявившиеся в столкновениях греков с персами.

Труд Геродота называется *Historiai* – «История». Позднее ее девять глав были названы по именам девяти Муз. В первых разделах Геродот прослеживает, как развивались отношения греков с персами и восточными «варварами» и как усиливалось персидское влияние в раздробленной Греции. Далее он излагает историю Ассирии, Вавилона, Мидии, Скифии, Египта и Ливии. А в заключительной части возвращается к грекам и персам и рассказывает о борьбе греков за свободу.

Согласно Геродоту, важнейшими источниками информации в историографии являются *opsis* – события, которым историк был свидетелем сам, *gnome* – его собственные умозаключения, а также *historie*, «рассказы», – сведения, добытые из расспросов.

Вот его собственные слова: «Моей главной задачей во всей этой работе было записать то, что я слышал от кого бы то ни было». Тем не менее он всегда разделял то, чему был свидетелем сам, и то, что узнал от вторых и третьих лиц. Геродот словно одержим тем, чтобы собрать все сведения, какие только возможно: «Моя задача – пересказать то, о чем говорят, но я ведь не обязан верить всему, и это касается каждого моего повествования».

Проводя границу между достоверным и тем, «о чем лишь говорится», Геродот употребляет слова «как сообщают», «рассказывают, что», «не могу с полной определенностью утверждать» и т. п. А чтобы придать убедительность тому, что считает достоверным, он включает в описание событий диалоги и приводит контраргументы, вступая в дискуссию с самим собой. Собственную персону он уводит на второй план: не говорит о том, на чем ехал, что ел, где спал, не упоминает о своем непосредственном участии в некоторых событиях.

Взгляд Геродота на судьбу

Геродот верил в существование Рока и богов. По его убеждению, судьба не слепа, у нее есть своя этика, своя логика, за которой следят сами боги. Они могут многое, но не все, поскольку наравне с людьми подчинены закону вины и возмездия, даже если последнее приходит не сразу. Мировой порядок основан на равновесии. Человек сам определяет свою судьбу, создавая причины, которые приводят к тем или иным последствиям. Боги помогают ему, непосредственно вмешиваясь в его жизнь или посылая знамения, а их толкование, понимание и применение в жизни – это уже дело самого человека.

О жизни Геродота известно очень мало. Точно так же и в истории человечества встречаются белые пятна, неточности и не имеющие объяснения факты. Не будем же смотреть на его труд глазами людей, которых не интересует ничего, кроме фактов. История – нечто большее, чем выстроенные в хронологическом порядке даты, и мы должны хорошо это помнить, если хотим что-то понять в ней. Гораздо важнее то, что Геродот – замечательный рассказчик, который передает историю человеческих судеб и государств просто и понятно и в то же время ярко и увлекательно, не пренебрегая мелочами, но и включая в свой рассказ все, из чего складывается человеческая жизнь.

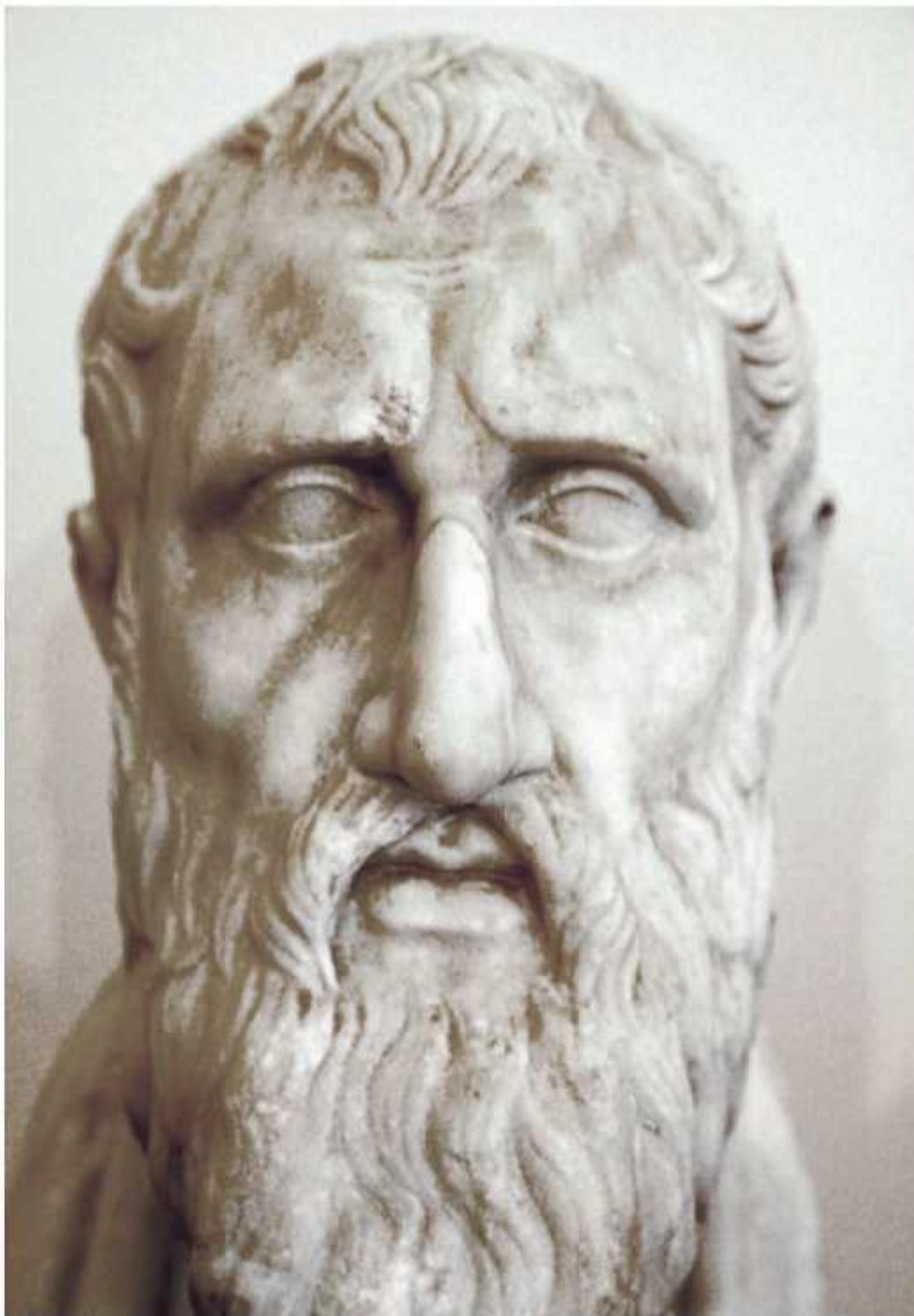
Зенон Китийский **Дмитрий Зубов**

«Человек рожден для счастья, как птица для полета» – с этой мыслью русского писателя Владимира Короленко трудно не согласиться. Конечно, всегда найдутся те, кто смотрит на счастье иначе, но ведь и птицы не все летают.

Стать счастливыми хотелось и древним грекам. Именно в этом они видели конечную цель своей жизни, хотя, подобно нашим современникам, понимали счастье очень по-разному.

А существуют ли универсальные рецепты счастливой жизни? Ответ на этот вопрос искали многие греческие философы, от этого их этические теории даже стали называть эвдемоническими (*eudaimonia* по-гречески «счастье»). На мой взгляд, самый лаконичный и при этом самый красивый рецепт счастливой жизни предложил основатель стоической школы Зенон Китийский.

«Жить согласно с природой» – вот все, что требуется от человека, считал мудрый афинянин. А для этого он предлагал людям в совершенстве овладеть тремя философскими дисциплинами: логикой, физикой и этикой. Правда, под этими словами он понимал не совсем то, что понимаем сегодня мы.

Зенон Китийский

Греки верили, что окружающий нас мир подчиняется вечным неизменным законам. Именно такой разумно устроенный универсум они и называли «природой», почитая царствующий в нем порядок (космос). Зенон же ни много ни мало предлагал подчинить требованиям разумного космического закона и жизнь человека. Только так каждый из нас наконец-то сможет зажить в согласии с окружающим миром и самим собой.

Казалось бы – все просто! Но, чтобы начать жить сообразно природе и ее разумным законам, необходимо сначала эти законы хорошенько изучить и усвоить: уметь различать добро и зло, знать свою судьбу и промысел богов, понимать собственную душу и ее потребности, убедиться в единстве и разумности мира. Эти и другие важнейшие вещи человеку помогает раскрыть «физика». А чтобы случайно не попасться в ловушку ложных представлений и уберечь себя от пагубных сомнений, людям необходимо вооружиться «логикой». Именно она дает необходимые критерии истинности получаемых человеком знаний.

Но на этом долгий путь к достойной жизни не заканчивается – скорее, только начинается. Мало знать законы природы, нужно захотеть жить в согласии с ними. А это, как оказалось, самое трудное! Вспомните: все мы прекрасно знаем, что курение вредит здоровью, а улицу следует переходить в установленном месте и только на зеленый сигнал светофора... Знаем, но всегда ли правильно поступаем? Помимо знаний человек нуждается еще и в доброй воле.

И здесь на передний план философии Зенона выходит «этика». Этика призвана помочь человеку привести жизнь в соответствие с его знаниями об этой жизни, сделать так, чтобы слова не расходились с делами. А для этого есть только один путь – развить в себе добродетели. Умеренность, разумность, мужество, справедливость – вот, по мнению Зенона, ключи к счастливой жизни.

«Жить согласно с природой – это то же самое, что жить согласно добродетели: ведь природа сама ведет нас к добродетели», – писал один из комментаторов Зенона. Таким образом, рождается интересное равенство: жить согласно природе = жить добродетельно = жить нравственно-прекрасно = жить счастливо.

Сам же Зенон всю свою долгую жизнь (по некоторым свидетельствам, он прожил почти сто лет) был примером следования собственной философии. Финикиец родом из Кития (города на острове Кипр), в молодости он был богат и вел успешную морскую торговлю по всему Средиземноморью. Но однажды, прочитав книгу о жизни Сократа, он бросил все дела и приехал в Афины с единственной мечтой – найти кого-то хоть немного похожего на этого философа.

Зенон брал уроки у афинских мудрецов до тех пор, пока не понял простую вещь: если тебе дорога память о Сократе – стань Сократом сам. Свои первые занятия он проводил в расписном портике (по-гречески «стоя»), отчего его учеников стали называть стойками, а его учение – стоицизмом.

Афиняне высоко чтили Зенона: вручили ему ключи от городских стен, удостоили золотого венка и статуи, а когда пришел час смерти, похоронили за общественный счет. Его учениками были и цари, и безродные бродяги. Он жил настолько просто и скромно, что его образ жизни вошел у афинян в поговорку – об умеренном и разумном человеке они говорили: «Воздержаннее, чем сам Зенон-философ». При этом не стоит забывать, что Зенон даже не был гражданином Афин. Он отказался от этой чести, боясь обидеть своих соотечественников китийцев, любивших его не меньше, чем афиняне.

Его школа прожила почти шесть веков – сначала в Греции, затем и в Риме; она дала человечеству Сенеку, Эпиктета, Марка Аврелия, Тацита, Арриана и еще множество пусть и не таких знаменитых, но по-своему счастливых людей.

Сократ **Илья Бузукашвили**

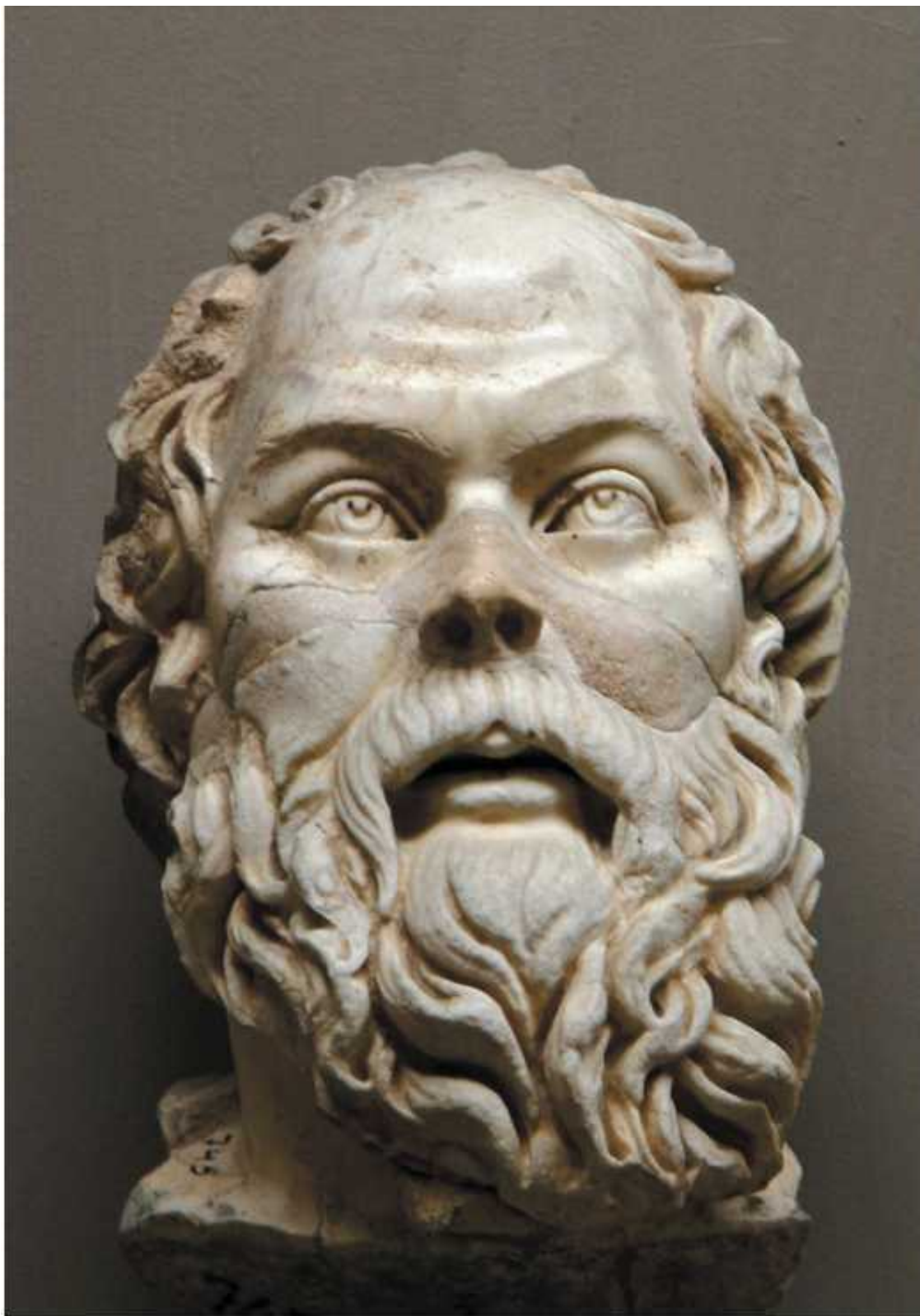
Дельфийский оракул назвал его мудрейшим из людей, а он был скромен и прост, верный служитель Богов, Отечества, чести и справедливости. А еще Сократ умел задавать вопросы. Вопросы о главном.

Афины, пятое столетие до нашей эры – время Перикла, Фидия, Софокла, золотой век греческой культуры.

В бедной семье каменотеса и повитухи родился мальчик, Сократ. В Афинах шли в те дни знаменитые Фаргелии – праздник, посвященный рождению Аполлона и Артемиды. Появиться на свет в такое время считалось событием символическим, и новорожденный, естественно, попадал под покровительство высокочтимого в Афинах Аполлона, бога муз, искусств и гармонии.

В молодости Сократ работал вместе со своим отцом и его даже считали неплохим ваятелем. Потом учился музыке, математике, астрономии.

Увлечение красноречием привело его к знакомству с самой Аспазией, супругой афинского правителя Перикла, прославившейся красотой и любовью к философии. Многие годы спустя Сократ вспоминал уроки риторики у Аспазии и то, как за свою забывчивость получал от нее подзатыльники.

Сократ

Юность пролетела быстро, и вот уже Сократ вместе с другими молодыми афинянами произносит слова гражданской присяги: «Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю, но буду защищать и храмы и святыни – один и вместе со многими. Отечество оставляю после себя не умаленным, а большим и лучшим, чем сам его унаследовал. И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться установ-

ленным законам, а также и тем новым, которые установит согласно народ. И если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их и один и вместе со всеми. И я буду чтить отеческие святыни».

Всю жизнь Сократ будет верен клятве и своему долгу перед родиной. Будет храбрым солдатом на полях сражений Пелопонесской войны и скромным философом на службе справедливости у своих любимых соотечественников.

Внешность Сократа сложно назвать привлекательной. Скорее он был некрасив. Невысокого роста, со вздернутым носом, толстыми губами и шишковидным лбом, лысый, он напоминал комическую театральную маску. Ходил всегда босой и в старом хитоне. Такой вид был столь обычен для Сократа, что его восторженный слушатель Аристодем, увидев однажды учителя в сандалиях, был удивлен. Выяснилось, что Сократ «принарядился» на пир к поэту Агафону по случаю его победы в Афинском театре.

В «Пире» Платона афинский полководец Алкивиад, описывая Сократа на военной службе, говорит следующее: «Выносливостью он превосходил не только меня, но вообще всех. Когда мы оказывались отрезаны и поневоле, как это бывает в походах, голодали, никто не мог сравниться с ним выдержкой».

Он не обладал особыми талантами – не писал поэм, не побеждал на Олимпийских играх, не владел тонкостями ораторского искусства. Он не мог похвастать ничем из того, что в то время ценили люди. Но один бесценный дар у него был. Дар Собеседника. Умение слушать и слышать. Задавать вопросы, искать верный путь в лабиринтах мысли и вместе с человеком открывать наконец истину.

«Если бы я хотел починить башмак, к кому я должен обратиться?» – «К сапожнику, о Сократ», – искренне отвечали простодушные юноши. Тут-то все и начиналось. Далее мог последовать, например, вопрос «А кто должен чинить Корабль Государства?».

Его загадочная манера разговаривать доверительно, интимно, дружески и вместе с тем иронически приводила в смущение собеседников. Сократ говорил о том, что такое красота, справедливость, дружба, мудрость и храбрость. Он учил, как жить по совести и в согласии с гражданским долгом. Как почитать богов, уважать законы, верить в бессмертие души.

«Относительно души человеческой, которая более чем что-либо другое в человеке причастна божеству, известно, – говорил Сократ, – что она царствует в нас, но мы ее не видим. Вдумываясь во все это, человек не должен презрительно относиться к невидимому; напротив того, должен познавать его действия в явлениях и чтить божественную силу».

Одно из самых знаменитых высказываний Сократа – «Я знаю только то, что ничего не знаю». Доказательство его необычайной простоты и скромности. Он считал себя лишь стремящимся к божественной Мудрости. И Путь от Человека к Богу видел бесконечно длинным – и все же одолжимым.

Один из учеников спросил Сократа: «Объясни мне, почему я ни разу не видел на твоём челе признаков печали? Ты всегда в хорошем настроении». Сократ ответил: «Потому что я не обладаю ничем таким, о чем стал бы жалеть, если бы это утратил».

С женщинами Сократу не слишком везло, хотя он и был женат дважды. Имя Ксантиппы стало нарицательным для обозначения сварливой, вечно чем-то недовольной жены. Алкивиад как-то заметил ему, что ругань Ксантиппы невыносима. «А я к ней привык как к вечному скрипу колеса. Переносишь же ты гусиный гогот?» – сказал Сократ. «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», – усмехнулся Алкивиад. «А Ксантиппа рождает мне детей», – был ответ.

О Мирте, второй супруге Сократа, известно мало. Зато все знают его слова по поводу брака, ставшие крылатыми: «Женись несмотря ни на что. Попадется хорошая жена, будешь исключением, а если плохая – станешь философом».

Как часто своим чувством юмора он приводил в негодование сильных мира сего! Иронизируя как-то раз над всевластием афинского демоса, который своим решением превращал незнающих людей в стратегов, Сократ, когда зашла речь о нехватке лошадей, посоветовал и этот вопрос решить на народном собрании – путем голосования превратить ослов в лошадей.

Однако подобные выпады Сократа никогда не означали его желания заменить демократию какой-либо иной политической формой. Речь шла, скорее, о необходимости совершенствования демократии, о возможности иметь компетентное правление. «В государствах те правители самые лучшие, которым граждане наиболее обязаны повиновением законам. И то государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, счастливо во время мира и незыблемо во время войны».

Лекторской кафедрой Сократу служил весь город. Иногда агора, рыночная площадь, иногда лавка ремесленника, иногда обычная афинская улочка с видом на Парфенон. Его собеседником мог стать любой, Сократ не делал различий между людьми. «Да будет вам известно, что ему совершенно не важно, красив человек или нет, – читаем у Платона в „Пире“, – вы даже не представляете себе, до какой степени это безразлично ему, – богат ли он и обладает ли каким-нибудь другим преимуществом, которое превозносит толпа».

Однажды Сократ палкой преградил путь молодому незнакомому человеку и поинтересовался: «Куда нужно идти за мукой и за маслом?» Юноша бойко ответил: «На рынок». – «А за мудростью и добродетелью?» Собеседник был смущен и не знал, что сказать. «Следуй за мной, я покажу!» – улыбнулся Сократ. Такой была встреча с Ксенофонтом, который стал не только его другом и учеником, но и будущим биографом.

«Когда я слушаю Сократа, сердце мое бьется сильнее, а из глаз моих от его речей текут слезы... он приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось, – нельзя больше жить так, как я живу» – под этими словами знаменитого Алкивиада могли бы подписаться многие собеседники Сократа.

Гетера Ламия сказала с улыбкой: «Поклонники твоей мудрости, Сократ, не расстаются с тобой. И все-таки я сильнее тебя: ведь ты не можешь отбить у меня моих друзей, а я, стоит мне захотеть, переманю к себе твоих». Сократ ответил: «Вполне понятно: ведь ты ведешь их под гору порока, а я заставляю карабкаться на гору добродетели, а это слишком трудная дорога».

У Сократа было много друзей. Но еще больше у него было врагов. Эти люди не желали становиться лучше, чем они были. Однажды они решили, что легче заставить замолчать Сократа при помощи яда цикуты, чем избавляться от того зла, на которое указывал философ.

Донес на Сократа был подписан поэтом-трагиком Мелетом, «молодым и неизвестным, с гладкими волосами, скудной бородкой и крючковатым носом».

«Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софрониска... Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание – смерть». Сократ должен был явиться в суд и выступить в собственную защиту.

Пятьсот один – таково было число присяжных, которые судили Сократа. Среди них были горшечники, оружейники, портные, повара, плотники, корабельщики, мелкие торговцы, учителя, музыканты – все те, с кем на площадях и базарах вступал в разговоры Сократ.

Конкретных обоснованных обвинений не было. Сократ сражался с тенями и слухами.

Ему было уже за 70. Он не пытался разжалобить присяжных своей бедностью, старостью, тремя детьми, которые останутся сиротами, и единственным ораторское искусство, на которое он был способен, – это говорить правду.

Сократ вспомнил о том, что, когда был воином, он, верный приказу, всегда оставался на посту. «Теперь, когда Бог поставил меня в строй, обязав, как я полагаю, жить, заниматься философией, испытывая самого себя и людей... было бы так же позорно оставить строй, как

прежде во время сражения... Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее Бога, чем вас, и, пока я дышу и остаюсь в силах, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу... И я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем мое служение Богу».

Нетерпеливо слушали присяжные, как старый мудрец сравнивал себя с оводом, которого Бог приставил к государству афинскому: «Но очень может статься, что вы, рассердившись, как люди, внезапно разбуженные от сна, прихлопните меня и с легкостью убьете... Тогда вы всю остальную вашу жизнь проведете в спячке, если только Бог, заботясь о вас, не пошлет вам еще кого-нибудь».

Присяжные вынесли смертный приговор. За оправдание Сократа был подан 221 голос, против – 280.

Сократ остался спокоен. Он сказал, что природа с самого рождения обрекла его, как и всех людей, на смерть. А смерть есть благо, ибо она дает возможность душе встретиться в ином мире с душами великих мудрецов и героев прошлого. «Уже пора идти отсюда, – закончил он, – мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме Бога».

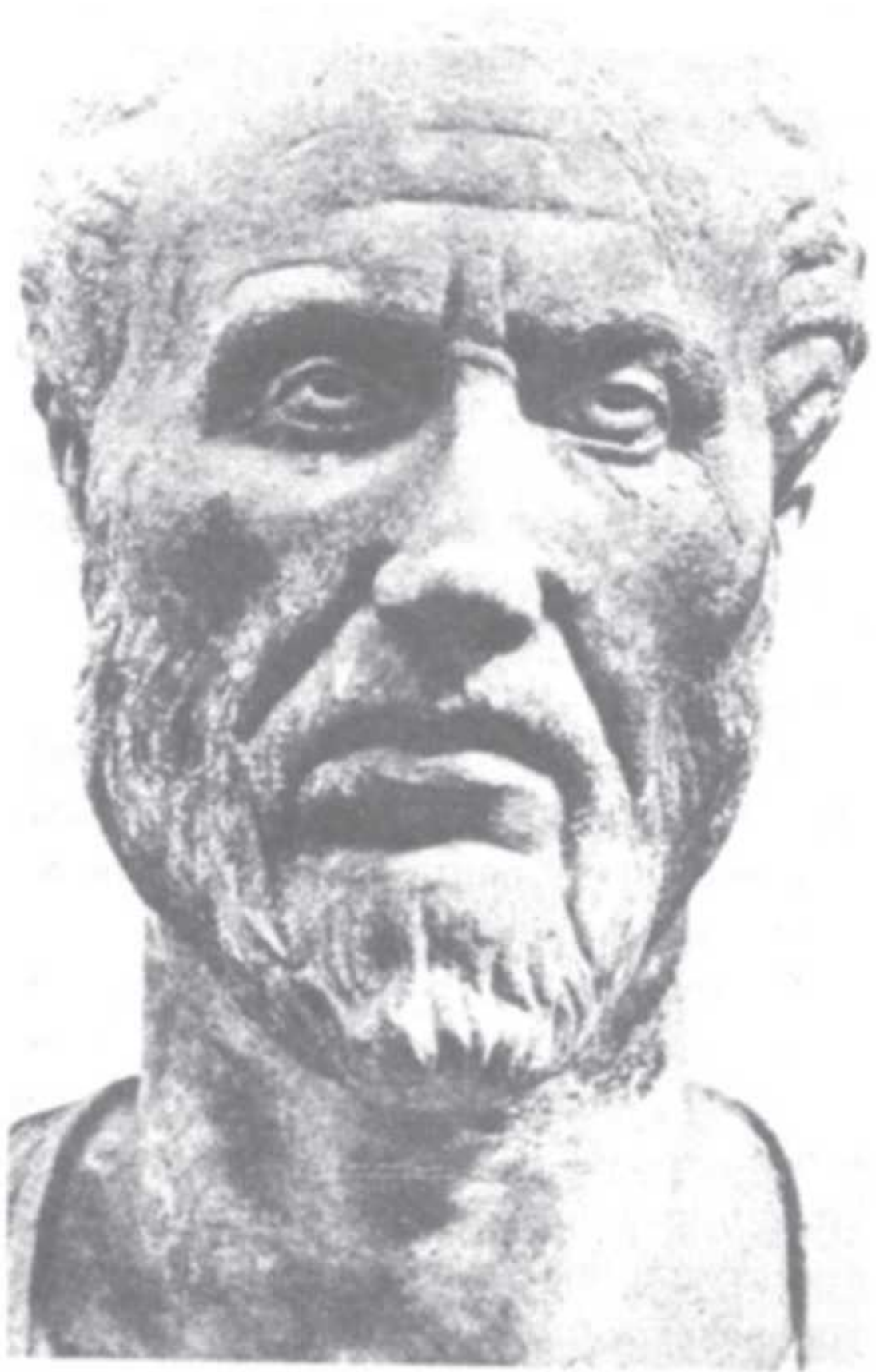
Когда его друг Аполлодор, со слезами на глазах возмущался несправедливым судебным решением, Сократ быстро успокоил его: «А тебе приятнее было бы видеть, что я осужден справедливо?»

Месяц ожидал философ в тюрьме исполнения приговора. Ежедневно его навещали преданные ученики, друзья. Предлагали планы побега. Сократ был непреклонен. Он хотел встретить смерть достойно и не противиться решению афинян. Он был верен клятве, которую давал на заре своей молодости и слишком любил родной город, чтобы ради спасания жизни позволить себе нарушить законы Афин и собственные обеты.

Плотин

Илья Барабаш

Есть такие особенные люди... вычеркни их из нашей истории, и она станет намного беднее. По следам, которые они оставили, мы идем до сих пор, даже если не знаем их имен. Один из таких людей – Плотин. Великий философ, родившийся в начале III века в Египте и основавший одну из самых загадочных и глубоких философских школ. Его учение – неоплатонизм – красной нитью прошло через всю историю Европы: идеи Плотина вдохновляли средневековых мистиков, художников Возрождения и поэтов Серебряного века; они воплотились в устремленные ввысь своды готических соборов, пронизанных лучами света, и дали основу интегральному исчислению.

Плотин

Мы не будем вдаваться здесь в глубокую и тонкую метафизику Плотина. Она заслуживает гораздо более внимательного исследования. Философия Плотина – это философия поиска

божественного, поиска красоты, рождающей в душе человека любовь. Все мы любим прекрасное, но почему именно прекрасное и почему любим? Может быть, потому что когда-то наша душа соприкасалась с ним, жила рядом с ним, и теперь, когда она созерцает что-то красивое, ее тревожит какое-то воспоминание... Может быть, потому что душа наша сродни этому прекрасному и хочет снова обрести его. И тогда наш путь – это путь воспоминания Красоты, которую мы ищем везде вокруг, но находим только в глубине собственной души. Мы ищем ее в красивых вещах и красивых телах, но вещи и тела стареют и утрачивают красоту... Наши мысли возносятся к небу, подхваченные баховским хоралом или симфонией Моцарта, но звуки смолкают, а что же происходит с красотой? Она продолжает жить? Где же?

Наверное, там, где и жила всегда: в нашей душе. И если мы кого-то любили и любим, то именно потому, что сердце наше интуитивно чувствует священное и прекрасное в другом человеке, настолько сильно и глубоко, насколько оно проснулось в нем самом. Философия Плотина – философия пробуждения красоты в нашей душе.

Ипатия Елена Косолобова

О ней говорили: «Афина по уму, Гера по величественной осанке, Афродита по красоте». Ипатия была гордостью Александрии, одного из самых культурных городов древности, славившегося своей библиотекой, храмом Муз, поэтической школой. Мало кто знает, что астролябию, по которой моряки ориентировались по звездам, и планисферу, позволяющую рассчитывать время восхода и захода светил, изобрела Ипатия, замечательный математик и астроном.

Ослепительная красота в сочетании с разносторонними талантами, глубокой мудростью и неколебимым мужеством прославили ее при жизни, а трагическая гибель превратила в легенду.

Ипатия

...Конец IV века. Близится закат древнего мира. Христианство стало государственной религией и из гонимого превратилось в гонителя. Архиепископ александрийский Феофил добился императорского указа об уничтожении египетских храмов. В 391 году по его приказу толпа разрушила Александрийскую библиотеку. Большую часть книг уничтожили, а горстку ученых и философов, пытавшихся защищать свою школу, разогнали и лишили жизни. Погибли жених и брат Ипатии, чудом спасся ее отец, математик Теон. Многие философы бежали из города, но Теон и Ипатия остались и открыли в своем доме школу, чтобы не дать погибнуть духу философии.

В 21 год Ипатия начинает читать лекции по философии, и ее толкование Платона и Аристотеля поражает своей глубиной – в этой молодой женщине словно воплотилась вся мудрость прошлого. Быть ее учеником становится почетным, и вокруг Ипатии собирается весь цвет Александрии, сам префект Орест посещает ее лекции, и даже архиепископ гордится тем, что подобной школы нет ни в Афинах, ни в Риме. Ипатию избирают в городской совет... А она остается удивительно скромной и по-прежнему носит свой простой плащ философа.

Благодаря высокому покровительству школа Ипатии смогла просуществовать 20 лет, несмотря на указ против «математиков, колдунов и всяких злодеев». Он требовал от ученых отречься от богопротивных взглядов и поклясться блюсти христианскую веру. Ипатия продолжала преподавать, даже когда начались погромы, когда опасно стало выходить на улицу.

В 415 году в великопостный день ее встретила толпа разъяренных фанатиков, собранных архиепископом Кириллом. Ее схватили, затащили в церковь и там, в священном месте, жестоко избили и растерзали острыми устричными раковинами, а затем сожгли на площади. Так погибла гордость и краса Александрии...

В X веке к лику святых причислили никогда не существовавшую Екатерину Александрийскую. Ее образ и жизнеописание поразительно напоминают Ипатию. Может быть, великая дама-философ возродилась в образе святой, что вдохновила на подвиг Жанну д'Арк?..

Рамон Луллий. Рыцарь любви Илья Бузукашвили

Он был поэтом и мистиком, бесстрашным проповедником любви и божественных истин. В истории его жизни перемешались реальность и легенды. Современники называли его *doctor illuminatus* – «озаренный наставник», а позже – «трубадур Христа».

Рамон Луллий родился в 1233 году на острове Майорка в знатной испанской семье. Он был хорошо образован, прекрасно рисовал, музицировал и слагал стихи во имя прекрасных дам. При дворе Иакова I Арагонского эти способности весьма ценились, и Рамон, любимец короля, вскоре стал воспитателем его сына. Он был отважным рыцарем, смеялся над строгими нравами общества и имел славу искусного обольстителя дам. Говорили, что перед его обаянием не устояла бы даже смерть.

Все изменилось в один миг. Луллию было 30 лет, когда он впервые увидел сеньору Амброзию де Каstellо и был сражен ее красотой. Она была замужем и оставалась безразличной к его чарам. Пальцы Луллия были стерты в кровь от бесчисленных серенад, исполненных под балконом возлюбленной. При дворе уже стали посмеиваться: «Рамон постарел...»

Рамон Луллий

Но однажды сеньора де Каstellо пригласила Луллия в часовню и скинула с себя одежды со словами: «Узри, Рамон, грязь тела, которое тебя привлекает. Насколько было бы лучше, когда бы ты обратил любовь к Христу, во власти которого вознаградить тебя безмерно!» Прекрасное тело красавицы было покрыто язвами проказы. Луллий был потрясен. Амброзия

умерла через три месяца, и все это время рыцарь день и ночь искал лекарство, которое исцелило бы ее. А потом поклялся, что откроет эликсир бессмертия... Так гласит легенда.

С тех пор жизнь Рамона Луллия уже не походила на жизнь обычного человека. Вскоре в ней случилось еще одно сильное потрясение. Он узрел Господа на кресте и услышал просьбу «полностью бросить мир и обратиться к службе Ему».

Луллий следует призыву. Он покидает Майорку и отправляется в паломничество по святым местам Испании и Франции. Через год возвращается на родину, чтобы учиться. В Пальма де Майорка он изучает науки и восточные языки, ибо свою главную миссию видит в том, чтобы не копьем и мечом, но убеждением и примером изменить мир, обратить неверных, показать величие и безмерность Божественной любви.

Пребывая в уединении, Луллий наблюдает Бога в сиянии звезд и цветах на полях, в прибое морских волн и залитых солнцем облаках...

«Птица распевала в саду Возлюбленного. Любящий вошел и сказал птице: “Если бы мы не понимали наш язык, мы могли бы понять друг друга любовью, потому что в твоём пении Возлюбленный открывается моим очам“».

«Книга о Любящем и Возлюбленном» – философско-поэтический шедевр Луллия, 366 «духовных метафор», по числу дней в году. Божественное и человеческое – главная тема книги. В ней соединены жемчужины древней мудрости – идеи неоплатоников и темы Ветхого завета, лирика трубадуров и суфийская мистика. Ее герои – Любящий и Возлюбленный. Любящий – это христианин в поисках истины, Возлюбленный – это Бог, которого Любящий ищет в длительном и опасном путешествии.

В 1276 году при содействии короля Якова II Луллий открывает на Майорке колледж, в котором начинают преподавать арабский; предпринимает энергичные попытки организовать широкое миссионерское движение с целью повсеместного изучения восточных языков. Но его идеи не находят поддержки у римского папы и у европейских монархов. Лишь в 1311 году папа дал разрешение на изучение арабского, еврейского и греческого языков в университетах Европы.

Но Луллий не может ждать и поэтому действует в одиночку, на свой страх и риск. Он посещает Кипр, Армению, Северную Африку, Ближний Восток. В Алжире склоняет к христианской вере 70 арабских философов... Стремится обратить в христианство монголов на Руси. Сидит в тюрьме, терпит лишения, подвергается преследованиям... Но он верен своему пути, своей миссии. Ему есть за что сражаться.

«Великое искусство» – так называется самый главный трактат Луллия. В Откровении ему было сказано написать книгу, которая станет известна всем и изменит мир. Вот он – этот труд, содержащий все ответы на вопросы теологии, метафизики и естественных наук.

На его основании Луллий создает загадочную мистическую систему из множества ключевых понятий и символов, разнообразные комбинации которых отвечали бы на все вопросы, о каких только может помыслить человек.

Как рассказывает легенда, однажды Луллий увидел на листьях маленького чечевичного куста буквы разных алфавитов – они двигались от ветра и соединялись друг с другом в разном порядке.

Идея единства и универсальности мироздания легла в основу его книги и изобретения. Принцип работы этого творения можно сравнить с принципами действия компьютера. Недаром Луллия считают отцом комбинаторики, которая в наши дни используется в компьютерных системах.

С помощью «Великого искусства» Луллий надеялся открыть новые истины – и не в одной, а во всех науках, – достичь сближения народов и культур. В эпоху Возрождения и позже его идеи развивали Николай Кузанский, Джордано Бруно, Лейбниц, Ньютон...

Но в XIII веке он одинок. Над ним смеются. Считают еретиком. Безумцем.

Луллий не обращает внимания на насмешки. В лаборатории известного мистика Арнольда Вилановы он изучает алхимию. Выступает на Соборе в Вене с докладом о распространении христианства, после которого растет его слава проповедника. Луллия, не имеющего ученой степени миссионера, трижды приглашают читать лекции в Парижский университет – центр европейской интеллектуальной жизни того времени. Он ведет диспуты с профессорами университета в Монпелье. Посещает монастыри и аббатства Франции, Италии, Испании, стремясь принести людям свет открывшегося ему Великого искусства.

Помните, как у Сервантеса купцы смеялись над благородным Дон Кихотом, требуя показать им хотя бы портрет его Дульсинеи, красоту которой он столь безоговорочно прославлял? А Дон Кихот возразил им: «Если я вам ее покажу, то что вам будет стоить засвидетельствовать непреложную истину. Все дело в том, чтобы не видя уверовать, подтвердить, засвидетельствовать и встать на защиту, а не то я вызову вас на бой, дерзкий и надменный сброд».

За несколько столетий до Дон Кихота Рамон Луллий был таким рыцарем без страха и упрека. И не на страницах романа, а в жизни. Несмотря на разочарования, на равнодушие пап и королей, монахов и мирян, на упорное нежелание мусульман Средиземноморья переходить в христианство, вновь и вновь он бросался штурмовать неприступную крепость здравого смысла.

«Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым» – так учил апостол Павел. Луллий называл себя Дураком Любви и не стеснялся своего шутовского колпака. Он говорил: «Я желаю быть дураком, дабы воздавать славу и хвалу Господу, и да не будет ни мастерства, ни умения в словах моих из-за величия моей Любви».

Рамон Луллий оставил после себя более 480 самых разных произведений. Среди них – философские труды, исследования в области логики и медицины, романы и мистические трактаты. Его «Книга о рыцарском ордене» стала известной во всей Европе. Она появилась, когда разного рода опасности начали угрожать рыцарскому духу, и на многие столетия сделалась своеобразным кодексом чести всего рыцарского сословия.

Его жизнь оборвалась в 1315 году в Тунисе, во время третьего путешествия в Африку. На площади городка Бужи Луллия забили камнями мусульмане-фанатики. Волею судьбы в тот самый момент к берегу пристало судно с генуэзскими купцами, возглавляемыми Стефаном Колумбом, предком Христофора Колумба. Генуэзцы увидели груды булыжников и над ней слабое свечение. Бережно извлекли они из-под камней тело 80-летнего мудреца и доставили его на Майорку.

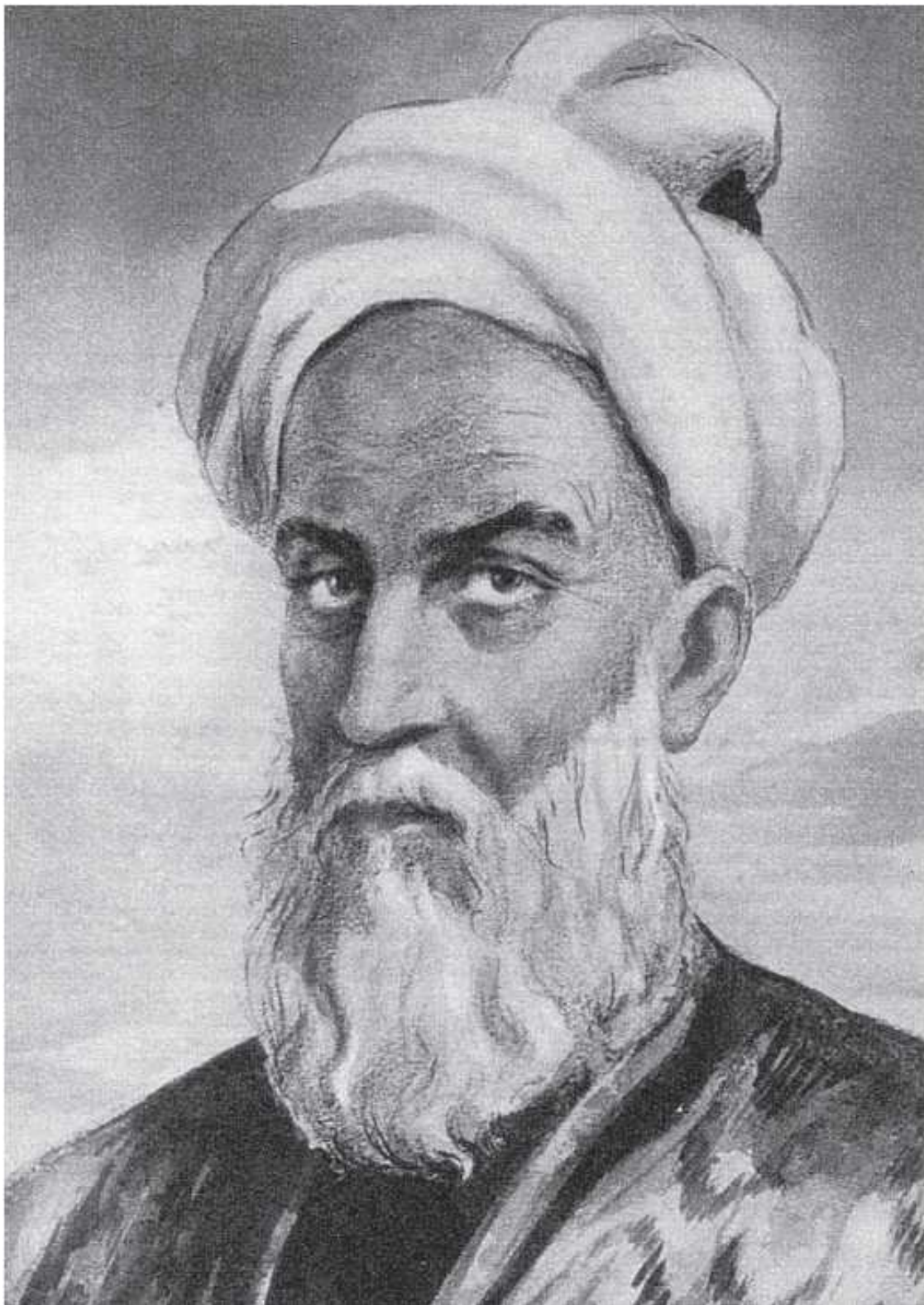
Сегодня прах Рамона Луллия покоится в церкви Святого Франциска в Пальма де Майорка. На его могиле такие слова: «Здесь лежит Любящий, кто умер ради своего Возлюбленного и... кто храбро сражался ради любви... Любящий скромный, терпеливый, верный, горячий, благоразумный, чистый и полный всех добрых вещей, вдохновляющих многих Любящих к прославлению и служению своему Возлюбленному».

Авиценна. «Князь философов, князь врачей....» Татьяна Роменская

*За истиной иди – и путь найдешь вперед.
Отринь земной соблазн – в душе весь мир живет.
Поистине душа – божественный светильник,
И свет наук она, себя сжигая, льет.*

*Мудрость, на наш взгляд, бывает двоякой. Во-первых, это
совершенное знание... во-вторых, это совершенное действие.
Абу Али ибн Сина*

Мир, в котором жили, живут и будут жить люди не стоит на месте – он развивается, эволюционирует. И движет им сила, стоящая вне времени и порожденных им форм и эта сила всегда рядом с нами и только ждет момента, когда кто-нибудь осмелится распахнуть окно и заглянуть в вечность. И в открытое окно, подобно струе свежего воздуха, врываются новые энергии, и «идеи начинают носиться в воздухе». И открывается канал, связывающий через вечность точки поворота прошлого, настоящего и будущего, совершаются удивительные таинства «узнавания» Истины и воскрешаются к жизни импульсы прежних времен. И «хорошо забытое старое» облекается в новые, соответствующие времени формы, а отчаянные мечты и идеи, чей срок воплощения еще не пришел – устремляются в будущее. И это удивительное время «открытых дверей» называется эпохой Возрождения.

Авиценна

И в это время приходят люди – первопроходцы, люди – Вестники, у которых хватает мужества и силы не только отворить окно в вечность, но и открыться ей, принять, прожить и осознать идеи, приходящие оттуда. А потом воплотить их в формы, которые сможет узнать и применить конкретная эпоха. И отдать плоды свои на растерзание миру, выдержав ответный удар его старых привычек, догм и установок, не желающих сдавать свои позиции без боя. И

для того, чтобы пройти этот Путь – Путь совершенного Знания и совершенного Действия, Вестнику Возрождения необходимы непоколебимая вера и любовь к Истине, великий Дух, и сильная личность, подчиненная его воле.

Преданность, мудрость, воля, отвага, железная дисциплина, яркая индивидуальность и колоссальная работоспособность – вот неполный перечень качеств, присущих Гениям Возрождения. Их задача – возродить Истину, опираясь на опыт прошлого и собственные познания, и передать ее грядущему в виде следов, которые неподвластны времени, ведь именно по этим следам Гения узнает человечество.

* * *

Авиценна. На семинаре, посвященном эпохе Возрождения, моя душа мгновенно откликнулась на это имя, выбрав его из десятка других, не менее великих имен. Произошел момент узнавания чего-то родного и захотелось «вспомнить» откуда это удивительная тяга и попытаться немного больше узнать о человеке, вызвавшем ее. И я погрузилась в чтение «Канона врачебной науки» и жизнеописания Авиценны, но неформившееся воспоминание души не давало покоя. И только спустя довольно продолжительное время я наконец вспомнила, что все началось в детстве с почтовой марки с портретом Авиценны и с отрывочных сведений о его «нетрадиционных» методах лечения травами. И стех пор образ Ибн Сины ассоциировался у меня с тайной целительства, с благородными, седобородыми и синеглазыми долгожителями и с заснеженными пиками величественных и прекрасных гор.

И когда я читала биографические и научные труды Авиценны и посвященные его жизни и деятельности исследования, я искала и не находила ту ниточку, которая тянулась из прошлого, и позволила бы мне прожить и прочувствовать удивительную тайну этой великой личности. Но, как известно, «ищущий да обрящет». И ко мне «пришли» стихи и философские труды Ибн Сины, и наступил, наконец, долгожданный момент «резонанса», и я смогла чуть-чуть прикоснуться к волшебству. И тогда биография Авиценны предстала передо мной совсем в ином свете. А предыдущее «несоответствие» объяснилось тем, что у каждого великого ученого и мыслителя всегда есть «внешний», доступный пласт проявленных форм и стоящее над ним истинное и волшебное Знание. И нет такой отдельной книги, главы или страницы, где это тайное стало бы явным и понятным. Его приходится собирать по крупицам, и эти крупинки складываются в узор Пути великого человека на Земле, как отражение и прообраз Пути Познания и Поиска Истины, идущего из Вечности в Вечность.

* * *

Кто же такой Авиценна? «Князь философов», «Князь врачей», упомянутый Данте в «Божественной комедии» наряду с Птолемеем, Евклидом, Галеном, Гиппократом; выдающийся астроном, физик, математик, геолог, филолог, поэт, музыкант, воин, мистик... Или, быть может, личность подобного размаха стоит охарактеризовать одним, но очень емким и глубоким понятием – Вестник – как тот, кто стремится к постижению высшей Истины и ищет модели и формы ее воплощения на Земле.

Великий Путь Познания не начинается с рождением Вестника и не заканчивается с его уходом, и не может быть осознан нами, ибо он принадлежит Сокровенному. Но у нас есть удивительная возможность прикоснуться к таинству через исследование и сопереживание земного этапа Пути гения. Земной Путь человека... Каждый из нас идет по нему, каждый из нас должен вспомнить и подтвердить потенциал и предназначение, с которыми он пришел в этот мир, а потом, пройдя через сомнения, кризисы и испытания, шагнуть дальше. Великий чело-

век проживает те же этапы, вдохновляя других и прогладывая им путь. Ярким примером тому служит жизнь Авиценны.

Абу Али ибн Сина жил тысячу лет назад. Для истории это немалый срок. Много воды утекло с тех пор, много творений и судеб уничтожено или предано забвению. Но неумолимое время не только донесло до нас в целостности большую часть трудов Авиценны, но и сохранило подробное описание его жизни. Значит мудрость великого ученого актуальна сейчас, значит его жизненный путь может стать маяком для ищущих Истину в настоящей эпохе. Творческий путь Ибн Сины увековечился в его автобиографии (что удивительно, поскольку для средневекового Востока написание автобиографий было нехарактерно), жизнеописании, составленном его другом и учеником и, конечно, в легендах и притчах Востока.

Земной путь Абу Али Ибн Сины (примечательно, что в переводе с таджикского «Сина» – означает «сверлильщик жемчужин») начался в 980 году н. э. окрестностях Бухары. Согласно легенде первый младенческий крик Авиценны раздался на восходе солнца, когда на небе померкла последняя звезда и птицы огласили землю радостным пением. Говорится, что его мать Ситара (переводится с таджикского как «Звезда») была в то время дома одна и, увидев пробегавшую мимо кошку, испугалась и накрыла новорожденного тазом. Авиценна не оставил свой первый опыт без внимания и отразил его в автобиографии: «Я видел свет, а потом опять настала тьма». Необычайная осознанность, чувствительность и наблюдательность Авиценны, проявившаяся в столь юном возрасте, имела место и впредь, что нашло отклик в других легендах и притчах. Вот одна из них. Однажды под кошму, на которой во время занятий в начальной мусульманской школе «мантаб» сидел маленький Авиценна, ребята подложили лист бумаги. Привычно усевшись на свое место, Авиценна задумался и стал удивленно смотреть то вверх, то вниз. Потом проговорил: «Интересно, по-моему, сегодня потолок нашего медресе стал немножечко ниже или наоборот пол стал повыше». И все, услышав эти слова, очень удивились.

Удивительная любознательность и способность подмечать малейшие нюансы не прошла с возрастом, а переросла впоследствии в пытливым ум, ведомый великим духом Исследования. И это помогло Авиценне в юном возрасте пропустить через себя и осознать колоссальный научный и философский материал и трансформировать его в ключи поиска, систематизации и открытий.

Даже великим душам, приходящим в мир, сначала необходимо пройти нелегкий этап поиска и осознания своего Предназначения и форм его проживания в конкретной исторической эпохе. Учиться на Земле – значит вспоминать, пробуждать скрытые знания разума и сердца. На этом этапе Пути юный Авиценна проявил необычайную целеустремленность, упорство и работоспособность. Закончив в возрасте 10 лет начальную мусульманскую школу, он получает высокий титул шейха, которого удостоивался тот, кто знал наизусть Коран, и приступает к изучению различных наук. К 12 годам Ибн Сина уже сам начинает обучать детей, что не мешает ему принимать участие в их играх. Однажды один из учеников Авиценны спросил его: «Ты такой знаток наук, неужели тебе приятно играть с глупыми детьми?» На что юный мудрец ответил: «У всякого возраста свой закон, а закон детства – это игра». Математику, логику, музыку и философию Авиценна осваивает под руководством философа Натили. И вскоре оказывается, что юный ученик уже не нуждается в седобородом наставнике, поскольку лучше его разбирается в трудах Евклида и Птолемея, глубже понимает логику, предлагает принципиально новые решения задач и доказательства теорем и погружается в такие глубины осмысления материала, которые не доступны его учителю. И тогда Натили признает свою несостоятельность и убеждает отца Авиценны ни в коем случае не прерывать обучение сына и не занимать его ничем иным, кроме наук.

Об этом этапе своего ученичества Авиценна пишет: «Я самостоятельно занялся изучением книг, а встававшие передо мной вопросы докладывал учителю.Я по святил себя чтению в продолжении полутора лет. В то время я недосыпал ни одной ночи, да и в течении дня не

занимался ничем иным кроме наук... Когда я чувствовал, что слабею, я выпивал для подкрепления кубок вина и опять брался за чтение...» Для прояснения смысла особенно трудных вопросов, Авиценна обращался за помощью к высшему: «...совершал обряды молитвы и просил Создателя всего сущего, чтобы мне открылось закрытое и облегчилось трудное... подробно-сти занимавших меня вопросов снились мне... Засыпая, я чувствовал, что и во сне мой ум бредил изучаемым предметом и, просыпаясь, я видел, что некоторые вопросы разъяснились». И только полностью укрепившись в знании логики, математики и естественных наук, Ибн Сина углубляется в метафизику. Цель и глубинный смысл аристотелевской «Метафизики» никак не давались юному Авиценне, он читал этот труд 40 раз (символично, не правда ли) и даже выучил его наизусть. Но, как известно, «стучите – и вам откроют»; и однажды на городском базаре Ибн Сина столкнулся с докучливым книготорговцем, который чуть ли не насильно всучил ему книгу, «случайно» оказавшуюся долгожданным ключом. Называлась эта книга «Комментарии к метафизике» знаменитого врача и философа Аль Фараби.

В это же время Авиценна «...обратился к медицинской науке и занялся изучением книг по медицине. Так как медицина – не трудная наука, то в короткое время мое искусство в этой области достигло таких пределов, что многие из известнейших врачей того времени учились у меня медицинским знаниям. Занялся я также практикой врачевания и врата исцеления и опыта распахнулись передо мной так, что и описать нельзя... А было мне в то время 16 лет». В это время, прослышав о славе чудо-врача, к Авиценне обращаются придворные медики опасно заболевшего правителя Бухары. Ибн Сина исцеляет его и в награду получает доступ в богатейшую библиотеку эмира, где не только хранились древние, редкие и очень ценные рукописи, но и существовал каталог по различным разделам наук. Авиценна пишет: «Я прочел эти книги, извлек из них пользу и понял значение каждого человека в его науке.» Вскоре эта библиотека сгорела, и Ибн Сина стал живым хранилищем бесценных знаний.

Существует народная притча, возможно, порожденная этими событиями. В ней говорится, что однажды на базаре в одном из городов Северной Африке, Авиценна услышал как глашатай зазывал всех посетить чудо – «Вращающийся Купол» – библиотеку, основанную Фишагурсом (Пифагором). Она открывалась один раз в год на три часа. Авиценна рассудил, что трех часов для изучения многочисленных редких рукописей явно недостаточно и стал готовиться к тому, чтобы остаться в библиотеке на целый год. Говорится, что весь год он упражнялся в воздержании от воды и еды, и вот в назначенный день, прихватив с собой несколько бугирсаки (сдобные колобки, обжаренные в масле миндаля; считалось, что одного колобка хватает на 40 дней), он отправился в библиотеку. И целый год при свете керосиновой лампы он изучал различные науки, в том числе и магическую «симию», и весьма в них преуспел. Через год с бородой до земли он вышел из своего заточения и, опробовав на практике волшебные заклинания, спас город от злого дива, целый год поедавшего мирных жителей. Такова легенда...

Примечательно, что Авиценна практически не пользовался услугами земных наставников и все премудрости наук постигал самостоятельно. В более позднем обширном философском труде «Указания и наставления» Ибн Сина подведет итог своим философским исканиям юности: «...Среди людей может быть и такой человек, который поймет большинство вещей по догадке, очень мало нуждаясь в учителе. Возможно найти такого редкого человека, который если захочет, то поймет без учителя все науки подряд от начала и до конца в течение одного часа, потому что он связан с действующим умом так хорошо, что ему не надо думать, словно ему откуда-то подсказывают, и в самом деле это так. Такой человек должен быть источником учения для человечества, и это не странно. Мы сами видели такого рода человека. Он изучил вещи мышлением и трудом, но при наличии силы догадки он не нуждался во многих трудах, и догадки его о многих вещах соответствовали тому, что было написано в книгах. Таким образом, ему не надо было читать много книг. Этот человек в возрасте 18–19 лет усовершенствовался в науках: философии, логике, физике, метафизике, геометрии, астрономии, музыке,

медицине и прочих сложных науках до такой степени, что не встречал себе подобного. Он в последующие годы оставался на этом уровне знаний и ничего к его знаниям не прибавилось...» Свои первые научные труды Авиценна пишет уже в 18–19 лет. К ним, согласно некоторым источникам, относится «Даниш-намэ» – «Книга Знаний» – энциклопедический труд, охватывающий различные области познания (логику, философию, математику, физику, метафизику). К этому времени относится также переписка и полемика с видным ученым, знаменитым историком, астрономом и естествоиспытателем – Бируни.

Так проходил этап накопления, осмысления и систематизации мудрости предшествующих поколений. И в этот ранний период творческого пути судьба благоприятствовала юному искателю Истины, избавив от необходимости зарабатывать на хлеб (Авиценна жил на средства отца) и предоставив возможность все свое время отдавать научным поискам и медицинской практике. Но пришло время нового трудного и плодотворного периода эмпирического поиска, воплощения и отдачи. Пережив смерть отца, падение государства Саманидов и завоевание Бухары султаном Махмудом и преследуемый тираном, в возрасте 19 лет Авиценна уезжает в столицу Хорезма Гургендж и уже больше никогда не возвращается на родину. И начинается этап бесконечных скитаний, но нет дыма без огня и, как говорится в восточной пословице, «Не от долгой жизни зреет ум, но от частых путешествий». И вот, что интересно: практически все города Средней Азии и Ирана (Бухара, Гургендж, Гурган, Рей, Хамадан, Исфахан), куда волею судьбы попадал Авиценна, были крупными торговыми, культурными и научными центрами того времени, где творческая мысль была относительно свободна от догм официального ислама. Библиотеки, больницы, научные собрания, просвещенные правители, поэты, художники, музыканты, любознательные ученики, все это способствовало творческому росту ученого, философа и врача. Так, Гургендж славился Академией, которую основал просвещенный и деятельный правитель Шах Мамун ибн Мамун. Он говорил: «Мой помысел – книга и чтение ее, возлюбленная и любованье ею, благородный человек и забота о нем». Во главе Академии стоял гениальный ученый Бируни. Интересно, что в Европе в то время еще не знали произведений великих мыслителей древней Греции и Рима от Гераклита до Галена. В Гургендже все это было доступно для Авиценны. Здесь он встречает любимого друга и учителя – Масихи, христианского философа-несторианина. Несториане вели борьбу против византийской знати и вынуждены были бежать в страны Средней Азии, Индию и Китай; в Гундиша-пуре основали медицинскую академию, что в IV–VII веке послужило импульсом к развитию медицины на Востоке. Несториане перевели на арабский язык сочинения древних мыслителей и врачей Запада. С трудами Гиппократов и Галена Европа впоследствии познакомилась именно благодаря этим переводам.

Семь лет провел Авиценна в Гургендже, общаясь с ученой и культурной элитой, исцеляя больных, составляя трактаты, пока вновь не протрубил рог Судьбы. Шах Мамун получает послание от султана Махмуда с требованием выслать ему ко двору весь ученый свет академии. Мамун, который относился к ученым с уважением, предоставил им право выбора. Авиценна, не желая служить тирану, вынужден покинуть Гургендж. Переодевшись в одежду дервишей, он и его друг и учитель Масихи через Каракумские пески направляются в Иран. В пустыне их настигла буря, путь был утерян, путников мучила жажда и неопределенность. Масихи не вынес тяжелых лишений и умер... Пустыня. Символ смерти, разрушения и бессмысленности существования. Испытания тела и духа, неотъемлемый этап Пути, необходимость переосмысления пройденного и поиска новых сил и вдохновения... Авиценна с огромным трудом находит выход и попадает в Нишапур. И здесь произошла легендарная встреча Ибн Сины с философом, мистиком, шафиитским суфием Абу Саидом Мейхенейским (Старцем), которая стала своеобразным даром судьбы, новым благословенным импульсом к дальнейшей жизни. Говорится, что когда Авиценна вошел в дом Старца, тот ранее никогда не встречавший Ибн Сину, сразу узнал его и произнес: «Пришел знаток хикмата (перипатетической философии)».

В непрерывных философских беседах и научных диспутах провели три дня гениальный ученый и великий мистик. Известным в то время законам физики Саид противопоставлял мистические чудеса (гвозди самопроизвольно забивались в стену, светильник самовозгорался, вода сама наливалась из кувшина). Например, когда Авиценна рассказывал о законе всемирного тяготения, Саид подбросил пиалу в воздух, где она и осталась висеть, и спросил: «Почему же она не падает, ведь на нее действует сила притяжения?» На что Авиценна ответил, что не падает она, удерживаемая могучей волей Абу Саида. После этого Ибн Сина еще не раз беседовал с Саидом, выезжал с ним к святым местам и становился свидетелем различных чудес.

И эти встречи, несомненно, расширили границы мировоззрения Авиценны и, быть может, послужили ключом к осознанию того, что, по словам американского астронавта Э. Митчелла, «нет противоестественных или сверхъестественных явлений – есть лишь большие пробелы в наших знаниях о природе»: «Счастьем умудренных и примечательных людей является то, что они сами переживают такие состояния и неоднократно наблюдают их в других людях, откуда и рождается опыт, подтверждающий происхождение странных, но вместе с тем имеющих место достоверных фактов. Этот опыт вызывает у них желание объяснить их причину». Впоследствии, в предсмертном труде «Указания и наставления» Авиценна попытался объединить науку и мистицизм и дать сверхъестественному естественнонаучное объяснение: «Знай, что в природе имеют место удивительные явления и что, как в высших активных сферах, так и в низших пассивных силах происходят целые совокупности удивительных явлений... Удивительные явления, которые протекают в мире природы, имеют три источника. Первый – это упомянутые душевные силы; второй – свойства первоэлементов, например, свойство магнита притягивать железо присущей ему силой; третий – небесные силы, вступающие во взаимодействие с природой земных сил, отличающихся по положению, или с силами земных душ, отличающихся соответствующими действительными пространственными положениями, влекущими за собой свершения удивительных явлений. Колдовство имеет отношение к первому источнику, чудотворство, волшебство и фокусничество – ко второму, а ясновидение – к третьему источнику». Используя различные аналогии, великий ученый проводит параллели между привычным, известным и удивительным, непознанным. Например: мистик может долго обходиться без еды – удивительно, но ведь и больной какое-то время не нуждается в еде; мистик может совершать действия, выходящие за общепринятые рамки человеческих возможностей, но и обычный человек в страхе, гневе и радости (т. е. как мы бы сейчас сказали, в состоянии аффекта) тоже способен «прыгнуть выше собственной головы»; мистик проходит через удивительные переживания наяву, но и простому человеку подчас снятся волшебные сны. Авиценна также обращает внимание на то, что каждому человеку от рождения присуща сила, ограниченная неким пределом, но в течении жизни человек использует ее десятую часть и причина тому – неправильные мысли, чувства и действия. Тот же, кто становится способным полностью реализовать свой потенциал, в глазах обычных людей предстает чудотворцем... Все это необычайно актуально сейчас, когда перед каждым человеком встает необходимость осознать свою планку максимум и попытаться приблизиться к ней.

Покинув Нишапур, Авиценна вновь пускается в странствия. Гурган, Рей, Хамадан, Исфахан... Надим эмира, в чьи обязанности входило составлять эмиру приятное общество и занимать его интересными разговорами, личный врач, сопровождающий правителя в военных походах, государственный деятель – визир (министр финансов) и параллельно – великий мыслитель, врач, ученый, философ, поэт, учитель...

Колоссальная работоспособность – неотъемлемый атрибут гения. Распорядок дня Авиценны говорит сам за себя: с рассветом Ибн Сина садился за труды, утром принимал больных, которые всегда толпами собирались у ворот его пристанища, ожидая совета и помощи; днем исполнял обязанности визира, занимался с учениками, встречался с учеными, читал лекции, (не следует также забывать обязательные пиры при дворе эмира), до поздней ночи снова

творил. В биографии описывается случай, наглядно характеризующий феноменальную работоспособность Авиценны. Однажды группа ученых, ознакомившись с трактатом по логике, послала к Ибн Сине гонца со списком вопросов и просьбой разъяснить им непонятные места. Гонец прибыл на закате солнца. Авиценна немедленно прочитал вопросы и велел принести ему бумаги, которую он разложил в 5 стопок по 10 листов в каждой. Под утро все листы были заполнены и переданы гонцу, чему тот был невероятно удивлен. «И этот случай стал притчей во языцех». Говорится, что при написании научных и философских трудов Авиценна не пользовался никакими рукописными источниками, весь колоссальный объем информации он черпал из собственной памяти и в каждом своем сочинении не ограничивался обобщением или разработкой того, что было известно до него, а осуществлял принципиально новые исследования. Конечно, в непрерывном поиске Истины Авиценна обращался и к трудам других авторов, но как! Об этом в биографии пишет его ученик: «Я не видел, чтобы попадавшуюся ему новую книгу он просматривал всю подряд. Он отыскивал в ней трудные места и сложные проблемы и обращал внимание на то, что говорит о них автор, определяя этим степень его учености и оригинальности». Интересны и поучительны также истории о том, как Авиценна приобщился к филологии и астрономии. Однажды у эмира обсуждались вопросы филологии. В присутствии видного филолога того времени Абу ал-Мансура Авиценна высказался по одному вопросу. На что Мансур заметил: «Ты врач и недостаточно читал книг о языке, чтобы твои слова могли удовлетворить нас». Это сподвигло Авиценну на трехгодичное исследование всех известных к тому времени филологических источников и написание собственного трактата (несомненно, что эти три года Ибн Сина не только изучал филологию, но продолжал лечить и проводить глубокие исследования в других областях). Когда труд был завершен, Авиценна наказал переплести его и поцарапать кожу на переплете, чтобы книга приобрела потрепанный вид, а потом представить Мансуру как древнюю рукопись, найденную в песках. Шейх Мансур просмотрел сей труд, и многое в нем привело его в затруднение, и тогда Авиценна разъяснил ему темные места, цитируя наизусть выдержки из всех известных языковых трактатов, в том числе и из произведений самого Мансура. Тогда величие замысла открылось Мансуру, и он принес Авиценне свои извинения... Необходимость корректировки календаря, составленного Птолемеем, привела к тому, что около девяти лет Авиценна посвятил практической астрономии, построил обсерваторию и изобрел новые астрономические инструменты, составив их подробное описание и инструкции по использованию...

Много времени, преимущественно ночные часы, Авиценна уделял занятию с учениками. Трудные, порой неразрешимые проблемы, которые ставили перед Авиценной природа, судьба и ученики, вдохновляли гениального мыслителя на новый поиск. Вопросы учеников побуждали Авиценну к написанию новых трактатов и книг, посвященных самым разным областям науки. Говорят, что при формировании групп учащихся Авиценна обращал внимание на количество учеников в группе, их взаиморасположение во время занятий и знак Зодиака каждого ученика. Это создавало необходимую энергетическую связь между учениками, помогая быстро усваивать огромный материал и способствуя гармоничному развитию. Примечательно, что этот метод нашел свое применение и принес ощутимые плоды и в наши дни...

И так день за днем, год за годом в непрерывных исканиях великий мыслитель продвигался все дальше и дальше по тернистому и прекрасному бесконечному Пути Познания Истины. Но порой осознание ограниченности познающего разума и глубокое смирение пред величием тайны мироздания охватывало ученого...

«Сердце жадно спешило пройти этот путь,
Все понять и в глубины вещей заглянуть.
Мудрость – тысяча солнц, – мне в дороге светила,
Сердцевины достиг, но не познана суть...

Море слов сокровенного смысла полно,
Этот смысл я читать научился давно.
Но когда размышляю о тайнах Вселенной,
Понимаю, что мне их прочесть не дано...»

Человек, «ведомый божественными знаменами по пути тяжелых испытаний», неминуемо проходит через кризисы. В переводе с греческого *krisis* означает «перемена», «выбор», «поворотный пункт». Согласно историческим свидетельствам, духовный кризис Авиценны был инициирован четырьмя месяцами, проведенными в заточении в крепости. Неопределенность будущего способствовала переосмыслению прошлого, своеобразной остановке времени и обращению к высшей мудрости и ценностям иных миров. Этот период запечатлелся в удивительных символических, подобных мифам произведениях, абсолютно не укладывающихся в привычный научный стиль творчества Авиценны. К сожалению, до наших дней дошли только три рассказа, да и то не в оригинале, а в пересказе. Но даже сами названия этих рассказов олицетворяют живой дух, символ и миф: «Живой – сын Бодрствующего», «О Птицах», «О Саламане и Абсале». Они повествуют о пробуждении души к себе самой, к своим истинным корням, к миру ангелов, о возвращении к истокам, о мистическом путешествии к Царю Востока и, конечно же, являются отражением собственных мистических переживаний и духовного поворота в жизни Авиценны. Выйдя из крепости, Ибн Сина еще более десяти лет жил и продолжал исследования в различных областях человеческого знания. И в этот период им были написаны самые глубокие философские труды: «Книга Исцеления», трактат «О душе», «Указания и наставления».

Последние годы жизни Авиценна провел в Хамадане, страдая тяжелой болезнью... Великий человек являет собой пример не только осознанной жизни, но и осознанного ухода из нее... Ибн Сина знал о приближающемся конце: «Врач, который находится во мне, бессилён уврачевать мое тело. Лечение отныне бесполезно», – и был готов к нему. Говорится, что незадолго до смерти он «... омылся, покаялся, раздал имущество бедным, исправил свои прегрешения перед теми, кого обидел, и отпустил на волю рабов. Он хранил Коран в памяти и читал его полностью каждые три дня». Авиценна покинул этот мир в возрасте 53 лет в полном сознании и его последними словами были:

«Мы умираем и с собой уносим лишь одно:
Сознание, что мы ничего не узнали...
Всевышний дал иным познание,
Других на гибель осудил,
Но я от доли испытанья
Себя избавить попросил.
К тебе теперь я возвращаюсь, —
Мое раскаянье прими, —
А тем, кто долго жил, не каюсь,
В груди сердца переверни.
Кто, как не ты, страданья снимет?
К кому еще взывать с мольбой?
Моя душа прощенье примет
И вечно свяжется с тобой.
С ресниц моих жемчужной нитью
Потоки слез на грудь сбегут...»

Авиценна вошел в историю как великий философ, после которого, по словам М. Афнана, «не было ни одного философа, который не оказался бы под влиянием его идей», и как великий врач. Его «Канон врачебной науки» многие века служил основой преподавания медицины в крупнейших университетах мира и фактически стал мостом, через который высокоразвитая медицина Востока стала достоянием Запада. Но великий гений Авиценны не только оставил миру огромное наследие научных открытий, он обозначил вехи, по которым десять веков шли по Пути Познания передовые умы человечества. И в наши дни импульс творческого духа ученого не утратил своей мощи. С античных времен законы природы считались отражением божественной силы на Земле, и целью научного поиска была мудрость, понимание природного порядка и существование в гармонии с ним. Исследовательский путь Авиценны является ярким тому примером, особенно актуальным сейчас, когда современная наука уже вполне осознала разрушительную силу знаний, используемых для господства и управления природой. И сейчас науке крайне необходимо вернуться к истокам и научиться видеть общее в частном и вечное в преходящем. И когда ученый мир захлестнет волна объединения и проведения параллелей в многообразии накопленных фактов, когда каждый станет «стремиться к постижению высшей истины, не требуя ничего взамен», тогда станет возможным качественный скачок на новый междисциплинарный уровень и на подготовленную почву придут новые гении, несущие импульс грядущего Возрождения.

* * *

Зачем приходит Гений? Тому немало причин. Но одна из них, бесспорно, в том, чтобы пробудить и возродить в душах людских священную тягу к поиску Истины и воспламенить своим примером тех, кто стремится путем познания навстречу собственной сути.

Николай Кузанский

Антон Мусулин

Истоки

Николай Кузанский – один из крупнейших философов эпохи Возрождения. Время жизни и деятельности философа соответствует периоду перехода от средневековья к новому времени. Как и все переходные эпохи истории человечества, та, в которой он жил, была противоречивой и сложной. Шла борьба старого с новым, догматических взглядов – с возрожденческими идеями, которые опирались, прежде всего, на античное наследие.

Философские интересы Кузанского были необычайно обширны и разносторонни. В своих произведениях он цитирует Пифагора, Демокрита, Платона, Аристотеля, Прокла и Боэция – философов, которые повлияли на его гуманистическую ориентацию и, конечно, на математические идеи и символы, пронизывающие его сочинения. Он – неоплатоник, подобно большинству гуманистов XV века.

Один из основных принципов своей философии – принцип «все во всем» – он принимает от Анаксагора. На его представления о бесконечности мира повлияли также учения Демокрита и Эпикура.

Николай Кузанский

От христианской традиции Николай Кузанский унаследовал проблему отношения Бога и мира. Хотя он и ссылается на Фому Аквинского и заимствует у него отдельные формулировки, его учение противоречит учению Фомы. Кузанский отказывается от основного вопроса схоластики – проблемы рациональных доказательств существования Бога. Он также уходит от Аристотеля, его логики и космогонии.

На Кузанского повлияли также мистические учения, которые в той или иной мере можно назвать еретическими и пантеистическими, в первую очередь, учения Псевдо-Дионисия и Экхарта. Согласно их взглядам, Богу нельзя отнести ни одного определения, которое может быть приписано земным вещам. Идея единства человека с первоосновой мира, идущая от неоплатоников и от Псевдо-Дионисия, в учении Кузанского предполагает мысль о пантеистическом тождестве земного и небесного миров. Идея присутствия божественного начала во всех вещах позволяет преодолеть пропасть, существующую между видимым и трансцендентальным миром, между конечным и бесконечным посредством слияния человека с Богом. Человек в этом процессе выступает как активное начало; и возможность деификации позволяет сделать вывод о тождестве творца и творения.

Философия Кузанского выходит за пределы античной и средневековой мысли, она уходит от абсолютного разграничения бесконечного и конечного. Связь этих двух категорий выражается в понимании красоты как воплощения бесконечного в конечном. Мир проявленный понимается не как отрицание бесконечности, а как ее воплощение. Бесконечность у Кузанского – это не просто отрицание пределов роста, а положительное утверждение о «здесь-теперь», заключающем в себе бесконечно большое и бесконечно малое, отождествляющее одно с другим. Парадоксы бесконечности в его философии превращаются в парадоксы ограниченного разума.

Docta ignorancia

Основная гносеологическая идея Кузанского антисхоластична в своей сути и опирается на утверждение, что логический ряд, то есть содержание знания (docta), не достигает истины, а остается в пределах неведения.

«Разум, не являющийся истиной, никогда не постигает истины».

Поиск истины осуществляется посредством сравнения, но бесконечность выходит за пределы всякой соразмерности, сходства и различия.

«Познание – есть измерение, сравнение одного предмета с другим: всякий исследователь начинает исследование от неизвестного, сравнивает его с заранее полагаемым известным».

В этом аспекте, познавая, мы познаем конечное, и поэтому полное знание конечного есть и знающее незнание, незнание бесконечного.

«Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может постичь истину вещей. Ведь истина не бывает ни больше, ни меньше и не может быть измерена ничем, как самой истиной» (D.I. 3, 10).

Но Кузанский не отказывается от стремления познать целостность мира и его причину, Бога. Познавая, мы остаемся в сфере неведения, но это неведение становится ученым, сведущим незнанием. Только благодаря непрерывному усилию познать Бога мы приходим к пониманию, что он непознаваем.

Истина неуловима и непостижима в своей чистоте, но несмотря на это чем больше наша ученость в «незнании истины», тем ближе мы к ней подходим. Чем больше углов у многоугольника, тем ближе он к кругу, хотя увеличение углов никогда не превращает его в круг в области конечного.

В сфере науки знание всегда важнее незнания, но в области философии должно всегда быть ясно, что самое глубокое знание не устраняет незнания. «Знает по-настоящему лишь тот,

кто знает свое незнание». В этом аспекте познаваемость мира реализуется на фоне непознаваемости Бога.

К непознаваемому разумом Богу ведет только мистическая теология, которая выходит за пределы всякого рассудочного и разумного познания, в ту область, где «тьма есть свет, незнание есть знание».

«Тот, кто хочет подняться к Богу, должен двигать вверх самого себя».

Но Кузанский утверждает, что одной любовью, без знания, невозможно подняться к Богу. «Путь, по которому кто-то будет пытаться вознестись без знания, не безопасен», ибо «разум направляется верой, а вера раскрывается разумом».

Coincidencia oppositorum

Учение о противоположностях и их единстве встречается уже у неоплатоников как идея единения конечного и бесконечного, человека и Бога посредством восхождения первого ко второму.

Идея синтеза, или тождества, противоположностей – это основная идея философии Николая Кузанского. В конечном мире мы всегда находим различия и противоположности. Согласно традиционной логике, понятия «заморожены» в резкой противоположности друг другу. Согласно Кузанскому, противоположности и различия совпадают в Боге.

Чтобы говорить о Боге, необходимо понятие, которое своей противоположностью имеет идею конечного: этим понятием является бесконечность, которая все содержит внутри себя в свернутом виде и предшествует всему конечному. Кузанский отверг незыблемость закона противоречий, сформулированного Аристотелем. На помощь рассудку, неспособному «связать противоречия», приходит разум-интуиция, способная мыслить бесконечное.

«Бесконечность есть сочетание противоположностей. Никто не может мистически увидеть Бога вне мрака сочетания (*coincidencia*), которое есть бесконечность».

В абсолютной бесконечности «бесконечная благодать – не благодать, а бесконечность, бесконечное количество – не количество, а бесконечность».

Бог не может быть больше того, что он есть, но не может быть и меньше того, что он есть. Если он есть максимум, то он же и минимум. Он превосходит все различия и противоположности, и заключает их в себе в их абсолютном тождестве.

Абсолютный максимум/минимум – бесконечная и неделимая реальность – превосходит все, он выше любого утверждения и любого отрицания, всего, что может быть высказано или помыслено.

Бог, присутствуя во всем, есть «все», но как то, что ни в чем нельзя обрести, он есть «ничто из всего».

Принцип единства противоположностей Кузанский распространяет и на мир реальных вещей. Любая вещь содержит в себе противоположные тенденции, но приобретает природу доминирующей противоположности. В мире видимых вещей единство противоположностей связано с их сходством и согласием, но не тождеством, ибо абсолютное тождество возможно лишь в Абсолюте.

Учение о свертывании и развертывании

Учение о свертывании и развертывании (*complicacio et explicacio*) своими корнями восходит к неоплатонической идее эманации, согласно которой все, что существует, существует благодаря истечению из Единого.

Процесс эманации, согласно неоплатоникам, происходит в одном направлении.

Для Кузанского творение есть развертывание Бога (*explicacio Dei*), бесконечность стягивается в конечность, абсолютное единство – во множественность, а вечность – во время.

В Боге свернуто все (даже противоположности), все числа, все возможности, все движения, а также все, что происходит и есть во времени и пространстве. Максимум свертывает и развертывает все. Он, как точка, заключает в себе линию в свернутом виде, как покой – свернутое движение, как «теперь», или настоящее, – свернутое время, как тождество – свернутое различие, как равенство – свернутое неравенство, как единство – множественное.

«В едином Боге свернуто все, поскольку все в нем, и он развертывает все, поскольку он во всем» (D.I. II, 107).

Абсолют Кузанский уподобляет точке, которая в процессе развертывания порождает линию, поверхность и объем. Точка содержит в себе все формы видимого мира; и так же, как точка развертывается в объекты, единица развертывается в числа. Вселенная в целом является результатом развертывания Бога «изнутри наружу». В этом аспекте, мир, хотя и не является Богом, не есть нечто отличное от Бога.

Возвращение мира к Богу есть свертывание мира, возвращение вовнутрь.

Отрицательная и положительная теология

Идея Бога остается наиболее широким и сложным понятием как религиозной, так и философской мысли этого времени.

Бог одновременно мыслится далеким и близким, страшным и милосердным, непознаваемым, премудрым и предобрым, самым совершенным существом в религиозной сфере.

Если в христианской философии времен патристики важную роль сыграли учения Платона, Плотина и Филона Александрийского, в которых Бог понимается как Единая, трансцендентальная реальность, то в схоластической философии, которая в течение средневековья должна была понять и обосновать истинность священных писаний, идея Бога приобретает интеллектуальную окраску.

Таким образом, мы одновременно встречаем элементы отрицательной теологии, которая отвергает и не воспринимает никаких атрибутов, приписываемых Богу, и элементы положительной теологии, где представления о Божестве включают в себя абсолютизированные атрибуты как человека, так и природы, в силу чего Бог мыслится как сверхличность, вездесущая и всемогущая, которая создает из ничего мир, оставаясь при этом трансцендентальной.

Как говорит Кузанский, «теология отрицания настолько необходима для теологии утверждения, что без нее Бог почитался бы не как бесконечный Бог...» (D.I., I, 86). Кузанский отрицательно относится к присущей схоластике тенденции фиксировать и определять те или иные признаки божественного начала. Такой подход вместо того, чтобы возвысить Бога над творениями, ставит его в зависимость от творений.

Утвердительные имена подходят Богу лишь с точки зрения творений, с точки зрения существующего. Качества, присущие творению, мы проецируем на Бога, с развернутого – на свернутое.

Утвердительные имена, приписываемые Богу, умаляют его, и они всегда приписываются ему по отношению и с точки зрения сотворенного, где все имеет свою противоположность. Называя Бога истиной, мы подумаем и о лжи, называя его добродетелью, в рассудок приходит мысль и пороке.

Любое высказывание о Боге может быть только метафоричным и никак не может служить сколько-нибудь твердым основанием знания. Не важно, как мы называем Бога, важно понимать, что эти термины являются лишь символами бесконечности. Единый Бог – это не столько объект той или иной положительной религии, сколько понятие межрелигиозное, присущее вере любого народа, а различные наименования Бога, в особенности языческие, определялись не столько признаками творца, сколько признаками его творений. В аспекте творения Бога в силу его милосердия, именовали Юпитером, в силу его любви – Венерой, в силу мудрости – Сатурном, Термином, потому что он – предел, не имеющий предела.

Любое высказывание о Боге не является точным, хотя и содержит элементы абсолютного ответа о Боге. Богу не соответствуют ни утверждения, ни отрицания, ибо он выше всего этого. Он только бесконечность, и в нем нет ничего, кроме бесконечности, которая есть и не несть все и ничто.

Мистическая теология не отрицает присущность атрибутов Богу. Для Кузанского Бог – абсолютный максимум, лишенный антропоморфных черт. Он – возможность бытия, не иное, не сказанное, абсолютное единство и тождество, мера и беспредельный предел всего сущего; он – вечное настоящее, свернуто-развернутая реальность; он – бесконечное единое начало, без которого ничего не существует, которое не может быть ни постигнуто, ни названо.

В этом можно увидеть пантеистические тенденции его учения. Хотя «творец и творение суть одно», Бог для Кузанского более совершенен, чем Природа.

Пантеистическое положение выражено и в тезисах: «единство есть все вещи», «все вещи суть само единство в единственном максимуме». Пантеизм прослеживается также в идее взаимосвязи всего сущего, в учении о совпадении противоположностей, о свертывании мира в Боге и развертывании Бога в мир, в учении о деификации человека в процессе познания Бога.

Концепция Бога у Кузанского соединяет пантеистическое и теизмом, безличностное и личностное понимание первопричины.

Космогония

Мир появляется в результате развертывания единства во множественность, простоты в сложность. Все существующее – результат развертывания Бога, а материя – возможность существования мира. Вселенная, являясь отображением бесконечности, не ограничена. В мире нет места, которое было бы более важным, чем какое-то другое место, и ошибочно думать, что Земля является центром Вселенной, а сфера неподвижных звезд – ее границей. Кузанский отказывается от аристотелевско-птолемеевского геоцентрического представления о мире, утверждая, что «Вселенная есть сфера, центр которой всюду, а окружность нигде».

В его представлениях доминирует идея относительности, и если даже и можно говорить о центре мира, то это положение принадлежит Богу.

По его мнению, во Вселенной все находится в движении, и в ее разных частях господствуют одинаковые законы. Движение универсально, все переходит из одного состояния в другое, все стремится к бесконечности, и это стремление по отношению к человеку превращается в бесконечный поиск, в процесс восхождения человека к Вечности.

Все во Вселенной не только является ее частью и отражением всей Вселенной. Бесконечное отражается во множестве, и каждая вещь отражает Бога и всю Вселенную. Пребывание Бога в мире есть пребывание мира в Боге. В этом аспекте вещи и явления – только символы Бога. Мир не есть Бог, но он не есть нечто отличное от Бога. Мир – это зеркало Бога, который во всем присутствует в свернутом виде. Другими словами, мир – это теофания, чувственно воспринимаемое явление Бога, каждая вещь в нем уникальна и, одновременно, взаимосвязана со всем остальным. Говоря современным языком, мы встречаемся здесь с холистическими и голографическими представлениями о мире. Согласно Кузанскому, понимание Вселенной как подобия Бога, а преходящего как отражения Вечности, дает возможность, через постижение ограниченного мира, восходить к невидимому, первому началу.

Человек

Если Вселенная является макрокосмом, то человек – микрокосм, который «внутри человеческой потенции есть по-своему все». Он подобен Богу своим духом (*mens*), и подобно Богу, развертывая свою силу, свои способности, он открывает самого себя. То, что отличает человека от животного, есть разум, позволяющий постичь высшую деятельность.

Математический метод

Вслед за Пифагором, Кузанский утверждает, что «Первый образ вещей в уме творца есть число, без которого ничего невозможно ни понять, ни создать».

Математика Кузанского – это натурфилософия, и его натурфилософия – это математика. Пользуясь математикой, он приходит к выводу, что в абсолюте исчезает противоположность наибольшего и наименьшего и что в нем всякая противоположность есть тождество, и в этом аспекте все существующее, находясь между минимумом и максимумом, является частицей бесконечности.

«При сотворении мира Бог пользовался арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией», – повторяет Кузанский учение пифагорейцев и Платона. Арифметика была нужна, чтобы мир сделать целым, геометрия дала вещам формы. Благодаря космической музыке элементы остаются сами собой и сохраняют взаимосвязь друг с другом. На уровне астрономии Бог создал мир в виде нерушимой системы движения небесных тел.

Кузанский и современная наука

Ученое незнание

Ученые осознали, что все их теории, описывающие явления природы и ее законы, представляют собой продукт человеческого сознания, а не свойства самой реальности. Все взаимосвязано настолько, что объяснение одного требует понимания всего остального. Все научные теории и модели представляют собой лишь приближение к истинному положению вещей. Фундаментальные константы мироздания можно констатировать, но не и объяснить.

Современная физика также указывает на невозможность описать явления и объекты микромира сами по себе, а всегда в отношении с наблюдателем. На уровне современной физики невозможно говорить о свойствах объекта как таковых – они имеют значения только в контексте взаимосвязи объекта и наблюдателя, где подход последнего определяет и то, каким будет полученный ответ.

Принцип единства

Принципиальное единство – одна из основных идей современной физики на уровне квантовой механики и термодинамики открытых систем. Составные части материи взаимосвязаны, родственны и взаимозависимы, и их нужно рассматривать в качестве неотъемлемых частей единого целого. Мир нельзя разложить на независимые друг от друга мельчайшие составляющие, как это делает классическая физика. Любой объект микромира – это набор отношений, связывающих его с внешним миром.

Единство противоположностей. Тождество

Современная физика в микромире открывает единство противоположностей. На субатомном уровне частицы одновременно разрушимы и неразрушимы. Там вещество является энергией, объекты – процессами, частицы – волнами, объекты микромира находятся в определенной точке и отсутствуют там, движутся и не движутся. Принцип неопределенности говорит, что если разворачивается одно из качеств, то свертывается другое. В субатомном мире существуют пары взаимосвязанных понятий, которые не могут быть одновременно определены с одинаково высокой точностью. Чем больше стремимся определить одно, тем более неопределенным становится другое. Одно понятие дополняет другое, как частица и волна, взаимодополняющие картины одной и той же реальности.

Идея свертывания/развертывания

Физический вакуум содержит в себе возможность существования всех возможных частиц. Мир построен из «ничего», наделенного структурой, а сила и вещество – лишь про-

явления пространства и времени. Материальные частицы – это сгустки энергии, возбуждение поля, где поле мыслим как качество пространства. Поле существует всегда и везде, это пустота, из которой все возникает. В каком-то смысле, пространство разворачивается в материю, которая не может существовать вне движения и становления.

С точки зрения некоторых современных физиков можно говорить о внутреннем, имплицитном (свернутом) и внешнем, эксплицитном (развернутом) порядке, где внутренне подобно каждой точке голограммы, содержит всю информацию в целом. Согласно такому подходу, сознание и материя взаимосвязаны и являются проекцией более высокой реальности, которая не есть ни материя, ни сознание.

Относительность и взаимосвязь

Ни одна часть Вселенной не является более важной, чем другая, и свойства одной части определены свойствами остальных частей.

Вселенная не имеет ни края, ни центра; она конечна, но не имеет границ.

Каждое в каждом

Представление о наличии всего в каждом и каждого во всем, в современной физике можно выразить словами: каждая частица содержит в себе все остальные частицы.

Основная идея Картезианской парадигмы – убеждение, что сложные системы можно понять, зная их части, – оказалась ошибочной. Дробление целого и последовательный анализ не позволяет понять его природу, а сами составляющие могут быть поняты лишь с точки зрения и в контексте целого. В мире все взаимосвязано. Внутри любой системы – космоса – одновременно происходит множество процессов, которые невозможно охватить, так как все одновременно влияет и взаимодействует со всем. Процессы, происходящие в природе, имеют не линейный, а циклический характер. Всегда наблюдается обратная связь, и это позволяет говорить о самоорганизации и эволюции систем. Изучение мира предполагает междисциплинарный, эклектический и синтезирующий целостный подход.

Кузанский прежде всего неоплатоник и идеи, с которыми мы встречаемся в его трудах, не новые. Речь идет о возрождении хорошо забытого старого. Подобное происходит и сегодня. Если Кузанский отказывается от схоластики, то сегодня наблюдается отказ от картезианской парадигмы. Как во времена Кузанского, так и сегодня происходит необратимое преобразование фундаментальных представлений о мире и человеке. Все движется, все возвращается на круги своя. Нашей эпохе тоже нужно свое возрождение и свой гуманизм, возрождение древних учений о единстве и целостности мира и гуманизм, который смог бы возобновить веру в Бога, веру в человека и веру в будущее.

Джордано Бруно – титан эпохи Возрождения **Елена Сикирич**

На рубеже эпох

Omnia transit – все проходит. Только что невидимые Гении времени объявили конец еще одного века, еще одного тысячелетия бурной истории человечества. Странное, смешанное ощущение надежды и страха рождается вместе с осознанием того, что на наших глазах наступает загадочная, сложная и удивительная пора очередной смены эпох.

Сколько раз уже История видела, как умирают царства, установления, обычаи, мнения и взгляды и как на их месте рождаются новые, в свою очередь подверженные смерти и подчиненные неумолимому закону циклов. Сколько раз уже История видела, как боги одной эпохи становятся демонами в другой, как гонимые и преследовавшиеся в одной эпохе в другой сами становятся преследователями и инквизиторами. Сколько раз на сцене театра Истории разыгрывались сатурналии, подобные настоящему карнавальному фарсу, где шуты занимали места королей, а королей принимали за шутов, где люди-звери, прикрываясь масками добродетелей, призывая к состраданию и уповая на Бога, безжалостно уничтожали своих жертв...

Джордано Бруно

Течет великая, молчаливая река Времени, охраняя тайны многих поколений, срывая с берегов жизни королей и подданных, мучеников и мучителей, друзей и врагов, унося их всех с собой, чтобы выбрасывать вновь и вновь на другие берега – другие эпохи, другие арены Истории.

На этой «другой арене» формы жизни, может быть, и станут другими, но вечные Идеи, руководящие ею, и вытекающие из них моральные законы и требования к каждому остаются всегда одними и теми же.

Воды забвения великой реки Времени поглощают все преходящее и недолговечное: в них разлагается все материальное, умирают земная власть, богатство, сила, все мелкие интересы, заботы и проблемы.

Но есть то, над чем не властно даже Время, – это те великие Идеи и Мечты, которые в каждой эпохе пробивают себе дорогу, чтобы найти приют в сознании и сердцах людей. Это великие люди, Гении, Титаны – носители этих Идеи, истинные короли своей эпохи. В водовороте истории, где каждый спасает собственную шкуру, где один утопающий отталкивает другого, чтобы выжить и поплыть по течению вместе с толпой ему подобных, люди-Титаны выбирают и находят для всех иные дороги, иные модели жизни.

Обычно это люди не от мира сего, не от времени своего. Великие Мечты, проводниками и вестниками которых они являются, приоткрывают им новые дали, вне границ времени и пространства, жизни и смерти, далеко за пределами настоящего. Вдохновляясь этими Идеями и создавая в соответствии с ними новые формы познания и новые модели жизни, Титан своим сознанием уходит далеко в будущее, видит его и в какой-то мере уже живет в нем, телом и плотью все еще оставаясь в старой эпохе, среди своих современников, терзающих друг друга ради куска хлеба.

Жить в старой эпохе – для Титана это значит пытаться донести до своих современников частицу того нового времени и нового сознания, в которое так или иначе рано или поздно придется перешагнуть всем. Это значит вызывать на себя всю разрушительную силу старой эпохи, сопротивление всех тех, кому выгодно оставаться там, где был, и думать так, как думал. Это значит сталкиваться и сражаться с огромной силой ненависти, злобы, догматизма, лицемерия и эгоизма одних и с силой неведения, инерции, тупости, безразличия и пассивности других.

Если у неприрученной собаки попытаться отнять кость и попросить ее посмотреть на звезды – она, скорее всего, укусит руку, показывающую ей на небо.

Судьба Титана – это постоянная борьба, и борьба не только за то, чтобы самому не быть разорванным на куски силами зависти, догматизма и злобы, но и за то, чтобы Идея, носителем которой он является, не была пресечена в самом начале, прежде чем она успеет укрепиться, обрести плоть и пустить корни в плодородную почву сознания тех, кто мог бы ее понять. Это постоянная борьба за то, чтобы посеять семена и чтобы достучаться до тех немногих, в сознании которых эти семена уже начинают давать первые ростки.

Титан не может работать один. Ему нужны ученики, которые, словно звенья в цепи, передавали и развивали бы принесенную им Идею дальше, до ее окончательного воплощения в форме. При этом он прекрасно отдает себе отчет в том, что это работа на длительный срок. Начавшись при его жизни, она продолжается часто даже не десятилетиями, а веками.

Поэтому сколько бы ни продолжалась жизнь Титана, она неизбежно коротка для него. Времени всегда мало, а успеть надо очень много. Нередко апофеозом этой борьбы становится мученическая смерть. Умереть за Идею для человека такого склада ума и сердца, вопреки мнению многих, не означает поражения. Это последний акт отваги и воли, кульминация его героической жизни. Покидая арену Истории, он своим собственным примером доказывает, что даже если тело очень легко уничтожить, то Душу и Идею, вдохновляющую ее, не убьешь. Она не подвластна законам, воле и насилию человека.

Кажется, что, покидая тело, Душа Титана просто возвращается к тем далям, которыми он уже жил в своих мечтах и в своем сознании. А Идея, вдохновляющая его, – она остается конкретными следами, оставленными им. Кажется, что по мере того, как она развивается, приобретает форму в сознании людей и в новых моделях жизни, она призывает своего носителя вернуться обратно и посмотреть на плоды своего дела.

О жизни и судьбе Джордано Бруно

Мы надеемся, что все сказанное выше будет полезным, для того чтобы принять ближе к сердцу судьбу и дело Титана эпохи Возрождения, великого философа, поэта, ученого и мистика Джордано Бруно. О нем часто говорят, что он родился раньше своего времени, так как лишь спустя 400 лет после его смерти наука, философия и искусство XX века стали принимать многие его предположения и учения как актуальные и истинные.

В момент очередной смены эпох, в то время, когда массу невежественных людей заставляли воспринимать как догму, что звезды – это лишь лампадки, зажженные Богом на небе, а Земля – центр неподвижной, серой и безжизненной Вселенной, в то время, когда религиозное чувство сводилось к страху перед инквизицией и перед вечным пламенем ада, в то время, когда официальная философская мысль сводилась к спорам схоластов и теологов, которые до отупения разжевывали ту или иную церковную догму, то или иное предположение Аристотеля, в то время, когда владыки мира и официальные представители религии погрязали в пороках, в крови и злодеяниях, ведя политические интриги и сражаясь за власть, – отважные учения Джордано Бруно и его попытки повернуть застывшее сознание при таких обстоятельствах многим казались настоящим сумасшествием, делом, обреченным уже с самого начала. Казались многим – но не ему.

Новым языком говорил он о гелиоцентрической системе, о бесконечной, вечно трансформирующейся Вселенной, о бесконечном числе параллельных миров, форм жизни и эволюции, содержащихся в ней, об одном, Едином Боге, проявляющемся не через церковные догмы, а через бесконечные и многообразные формы существования в Космосе.

Он призывал вернуться к истокам, к герметической традиции Египта, Индии, Персии, Греции, Рима, и считал их лишь разными сторонами великой Универсальной Мудрости – Софии, не признающей первенства какой-либо одной эпохи, культуры, религии или философского течения.

Он говорил о Магии как о сумме священных действий, посредством которых отражались и применялись бы в жизни принципы и законы, руководящие Вселенной, а также вечные духовные и моральные законы, руководящие человеком.

Он говорил о глубоких духовных потенциалах в человеке и учил тому, как они пробуждаются и развиваются через комплексные и целостные системы Памяти и Воображения. Он воспевал великую Небесную Любовь, вдохновляющую каждого философа – «любящего мудрость».

Он говорил о качествах героя, спящих в душе каждого искателя истины, ибо только мечтать недостаточно, Идея должна быть выстрадана нами, и за нее нужно сражаться. Он пытался достучаться до сознания своих современников не только беседами, лекциями, многочисленными философскими и научными трудами, но и своими стихами, красоте и глубокому смыслу которых мог бы позавидовать любой поэт.

Джордано Бруно родился в 1548 году в Италии, в маленьком местечке Нола близ Неаполя, неподалеку от Везувия. Воспоминания детства, глубокая ностальгия по родным краям сопровождали его до конца жизни. Оттуда и прозвище, которым любил представляться Джордано Бруно, – Ноланец.

1559–1565 годы: учится в Неаполе в частной гуманистической школе. Читает запрещенные книги, посещает запрещенные круги неаполитанских ученых и философов, участвует в диспутах, знакомится с трудами Коперника и с мировоззрением натурофилософии.

1565–1575 годы: согласно семейной традиции, поступает в монастырь, в орден доминиканцев. Очень скоро он становится свидетелем «фарса» и «фальши», пронизывающих монастырскую жизнь. Его огненная натура не может не реагировать, он выступает против идолопоклонства образам святых и абсурдных толкований в молитвенниках и церковных книгах, а также разоблачает монахов как «воплощение пороков и невежества».

Впоследствии он подвергается преследованиям орденской инквизиции, которая дважды привлекает его к суду и сурово наказывает. В монастыре Бруно пишет первый труд – «Ноев ковчег», сатирическую поэму, в аллегориях разоблачающую многочисленные споры между разными теориями, догмами и верованиями внутри института церкви.

В период пребывания в монастыре, в 1571 году, он посещает Рим и папский двор, где перед его святейством римским папой Пием V излагает свое учение об искусстве памяти.

В 1575 году он получает ученую степень доктора теологии и защищает докторскую диссертацию, ссылаясь в многочисленных своих беседах и диспутах на многих философов древнего мира, вдохновляющих его мировоззрение и являющихся его предшественниками. Он упоминает жрецов Египта и Тота-Гермеса Трисмегиста, магов Халдеи и Ассирии, учения Зороастра, «гимнософистов» Индии, Орфея, Пифагора, Платона, Плотина, неоплатоников, кардинала Кузанского, Коперника, Парацельса и многих других.

1576 год: в Риме на него поступает серьезный донос, в котором его обвиняют в эклектизме и в еретических мыслях и высказываниях и настаивают на необходимости вмешательства инквизиции. Чтобы не попасть в ее когти и избежать тюрьмы, Джордано Бруно тайно покидает Рим. Окончательно оставив монастырь и духовный сан, он становится отступником, преследуемым всеми.

Дальнейшая его жизнь продолжается в вечных скитаниях по Европе. Его отважные учения, огненная, темпераментная натура непримиримого врага любой фальши, его прямые, яркие и острые высказывания, попадающие прямо в точку, врожденные честность, благородство и искренность, – все это приводит в бешенство представителей самых разнообразных официальных кругов, религиозных, научных и философских, навлекая на Джордано Бруно жгучую ненависть и преследование многих, даже тех, кто между собой проявлял вражду и нетерпимость.

На Джордано Бруно буквально охотились со всех сторон, поэтому он вынужден был покидать все города, в которых временно останавливался.

В своей жизни, сам того не желая, он воплощал образ настоящего Дон Кихота, одинокого странствующего рыцаря без страха и упрека, не имеющего ничего своего – ни дома, ни уголка, ни семьи, ни возлюбленной, но имеющего зато свои Идеи и очень много учеников и единомышленников по всей Европе, которых ему удалось вдохновить и зажечь.

1576–1579 годы: скитания по Италии. Венеция, Падуя, Савона, Турин, Милан, Генуя – лекции, беседы, диспуты, доносы на него.

1579–1580 годы: Женева, Швейцария. Работает помощником в типографии и параллельно проводит факультативные занятия в Женевском университете. Публично защищает Парацельса и сражается за новое видение медицины. Публично разоблачает проповедников богословия и официальных врачей-шарлатанов. За еретические высказывания и за «оскорбление святой реформации» предан двойному суду: городского совета и кальвинистской инквизиции. Благодаря помощи друзей бежит во Францию.

1580–1583 годы: Франция. Читает лекции перед десятитысячной аудиторией в университете города Тулуза. Часть профессуры и студентов, возмущенная его смелыми взглядами, доносит на него. Бруно вынужден покинуть город.

1581 год: Париж. Перед королем Генрихом III Бруно излагает свою теорию памяти. Пишет книгу на эту тему – «О тенях Идеи» – и посвящает ее королю. Назначается неординарным профессором Сорбоннского университета. Издает свои первые труды. На лекциях и занятиях, помимо остальных тем, публично защищает знаменитого философа и мистика Корнелия Агриппу и пишет «Трактат о магии» как продолжение учения Агриппы. На него доносят. Во избежание тюрем инквизиции вынужден покинуть Париж и бежать в Англию.

1583–1585 годы: Англия, Лондон. Бруно живет при дворе французского посла и имеет свободный доступ ко двору королевы Елизаветы, где в дворянских, научных, философских

кругах встречается с выдающимися представителями своей эпохи. Здесь происходит его встреча с Шекспиром, который цитирует некоторые высказывания Бруно в своем «Гамлете» и выводит его в одном из персонажей «Ромео и Джульетты».

В Лондоне Бруно издает самые известные свои труды: «Пир на пепле», «О бесконечности, Вселенной и мирах», «О причине, начале и едином», «О героическом энтузиазме», «Изгнание торжествующего зверя».

Страшный скандал начинается после очередных выступлений в Оксфорде – цитадели пуританства и богословия, где перед теологами и схоластами Бруно публично встает на защиту нового миропонимания и представляет учение о бесконечности и бесчисленности миров. Так как без инквизиции дело не обошлось, Бруно вынужден покинуть Англию и бежать во Францию.

1585–1586 годы: Франция, Париж. Настоящая буря разразилась после выступления Бруно в Сорбонне против Аристотеля и перипатетиков в защиту Платона и Пифагора и после выхода «120 статей», изданных на эту тему.

Схема повторяется: донос студентов и докторов богословия – инквизиция – побег в Германию.

1586–1592 годы: города Германии, визит в Прагу. В Виттенберге Бруно произносит свое знаменитое «Прощальное слово».

На полгода он останавливается в Праге, при дворе императора Рудольфа II, покровителя философов, алхимиков и ученых. Помимо проведения диспутов и лекций в Праге Бруно издает две книги, одну из которых посвящает императору.

В Гельмштедте и Франкфурте он издает 13 важных философских трудов. Из самых известных можно назвать «Трактат о магии», «О медицине», «О бесконечных мирах».

Первый раз за годы долгих странствий Бруно покидает страну по своей воле. Он принимает приглашение молодого аристократа приехать в Венецию и научить его своей мудрости. Это было началом конца.

1591–1592 годы: Венеция, измена, инквизиция. Молодой аристократ Джованни Мочениго, пригласив Бруно в Венецию и став его учеником, изменяет ему и предает учителя в руки инквизиции. В 1591–1592 годах Бруно находится в тюрьмах венецианской инквизиции и подвергается постоянным допросам.

1593–1600 годы: Бруно переводят в тюрьму инквизиции в Рим, где в течение семи лет инквизиция подвергает его ужасным пыткам и многочисленным абсурдным допросам в попытках добиться его раскаяния и признания в еретическом мировоззрении. Не получив желаемого, инквизиция осуждает Бруно на смерть. Приговор приводится в исполнение 17 февраля 1600 года, когда на Кампо ди Фьори (Площади Цветов) в Риме Джордано Бруно живым сжигают на костре.

Ключи к философии Бруно

Философия Бруно многогранна и затрагивает комплекс самых разнообразных вопросов. Мы приводим несколько основных ее положений.

О Вселенной

В своей концепции Вселенной Джордано Бруно не ограничивается выступлениями в защиту учения Коперника о гелиоцентрической системе, считая, что эта теория интересна не только с математической точки зрения, а прежде всего завораживает своим метафизическим и мистическим смыслом.

Если Коперник на гелиоцентрическую систему смотрит глазами астронома и математика, то для Бруно она является только одним «иероглифом» среди многочисленных священных знаков, отражающих Божественные Мистерии Вселенной. Воображение Бруно рисует те дали,

существование которых с математической точки зрения подтверждает, причем не полностью, только наука XX века. О нашей Солнечной системе он образно говорит как о маленьком атоме, развивающемся и продвигающемся среди бесконечного числа ему подобных, внутри великого живого организма – нашей Вселенной, не имеющей ни начала, ни конца. Наша Вселенная бесконечна. Она состоит не только из клеток – галактик, но также из множества параллельных миров, постоянно трансформирующихся; в них проявляется бесконечное количество форм жизни и принципов эволюции.

О Едином

Понятия Бога и Единого (Единства) отождествляются. Бог есть везде и во всем, но Он также находится и за пределами проявленного Космоса, и за пределами любого вида сознания. Он одновременно «везде» и «во всем» и за пределами этого «везде» и этого «всего». Он отождествляется со Вселенной, проистекающей из Него, но в то же время Он от нее существенно отличается. Высший Разум, Душа и Субстанция-Материя – вот три лица Бога.

О магии

Принимая за основу герметическую традицию, Бруно понимает Магию как совокупность священных действий, отражающих божественные законы Вселенной. Вселенная – это единое целое, оживленное Anima Mundi, всепроникающей Космической Душой.

Таким образом, во Вселенной все связано между собой вибрациями взаимной симпатии, по принципу сообщающихся сосудов. Как вверху, так и внизу. Если воздействовать на какую-нибудь точку Вселенной, то это воздействие и его последствия будут отражаться и на всех остальных по принципу резонанса, словно волны, расходящиеся по поверхности воды после того, как в нее брошен камень.

Все есть Музыка Сфер, и все является частью мистической души и тела Вселенной. Все связано между собой невидимыми нитями симпатий и антипатий, сочетания и несочетания.

Искусство мага состоит в том, чтобы подключиться к этой Музыке Сфер, стать частью этой бесконечной «сети» симпатий, пронизывающих всю Вселенную, понимать суть космического принципа аналогии и уметь владеть им и таким образом стать проводником гармонии Неба на Земле.

Бруно говорит о трех видах магии, о священных действиях, соответствующих законам и познанию трех миров: метафизическая магия, или теургия, математическая магия и натуральная магия, или магия Природы.

Для Бруно магия в таком понимании является не отдельной специальностью и не отдельным видом познания, а образом жизни, универсальной философией, путем Ученичества. Истинный маг должен сочетать в себе достоинства ученого, философа (мудреца), мистика и героя, «этот человек способен дойти до такого уровня совершенства внутри себя, чтобы трансформироваться, превратить себя в Образ – отражение Вселенной и завоевать таким способом мощь, которую несет сама Природа».

О воображении и памяти

Для Бруно эти механизмы дают возможность прямого применения божественных принципов Магии. В их основе лежит стремление и возвращение к добру, к истине и к прекрасному. Сила, движущая ими, – это Героическая Любовь и Героический Энтузиазм.

Воображение и память являются двумя сторонами единого процесса познания Божественного через Природу. Воображение – как путь, канал Души, связь между «Небом» и «Землей», миром «Вечного» и миром «Преходящего». Память не просто как процесс запоминания, а как искусство, дающее возможность зафиксировать следы Бога в Природе.

Оба они являются лучшей терапией для Души и для Духа, пробуждающей в человеке его глубокие потенциалы и силы, связанные с «воспоминанием о Вечном».

Искусство памяти основывается на использовании ментальных, символических, архетипальных образов, связанных одной архетипальной нитью. Эти символические образы, оживленные воображением, организованные внутри особого «священного пространства сознания» и создающие таким способом своего рода «семью архетипальных символов», размещаются внутри комплексной системы динамичных колес, вращающихся и взаимодействующих между собой подобно созвездиям на небе.

Каждый ученик, пользуясь системой колес, понимает сочетание создающих их символов и их постоянную трансформацию в соответствии с состоянием своей души и сознания, под обязательным руководством Учителя. Живые архетипальные символы, с которыми он работает, дают доступ к источникам универсального познания.

О герое

Проявляя сверхчеловеческие усилия, Герой стремится к тому, чтобы «вырваться» из объятий материи, освободиться от притяжения всего преходящего и недолговечного, так как душа его, исполненная истинной Ностальгии, тяги к Вечному, к Божественному, испытывает настоящие страдания, осознавая, как далеко он находится от всего этого.

Цель Героя состоит не только в том, чтобы слиться с Божественным, но также в том, чтобы, двигаясь к нему, стать проводником Божественных Принципов и Идей через Мечту, за которую можно было бы сражаться на земле.

Движущей силой на этом пути является Небесная Любовь в самом высоком смысле этого слова, «Любовь, дающая крылья», проявляющаяся в том числе через мистический энтузиазм Героя.

Для того, чтобы Герой мог выполнить свою миссию, осуществить Мечты и слиться в конечном итоге с Божественным, он должен столкнуться с семью формами слепоты внутри себя и вокруг себя и пробудить в себе семь добродетелей, составляющих природу Героя.

Смерть Бруно

История повторяется. Конец философа начинается с измены его учеников. В 1591 году молодой аристократ Джованни Мочениго приглашает Бруно в Венецию, в свой дом, с просьбой обучить его «тайнам философии». Отношения учителя и ученика с самого начала складываются плохо. Мелочная, поверхностная и эгоистичная природа Мочениго, пронизанная страхом и праздноверием и требующая «экзотической информации», не могла объять широкие дали и глубокую мудрость учения Бруно.

Практически сразу он начинает обвинять Бруно в «демоническом пакте с дьяволом» и, противореча самому себе, упрекает его в «неисполнении данного ему обещания», обвиняя учителя в том, что тот учит его абстрактным моральным теориям и не открывает тайн магии. Чтобы отомстить за обиду и неудавшийся шантаж, он пишет донос на Бруно и предает его инквизиции «по велению совести и приказу исповедника». В ночь ареста Бруно Мочениго крадет все его рукописи и передает их дальше «по назначению», став, таким образом, причиной уничтожения ценнейших философских трудов. Он же передает в руки инквизиции тот материал, на основании которого философа осуждают на смерть.

Пребывание Бруно в тюрьмах инквизиции было долгим и мучительным. Ситуация ухудшается, когда в 1593 году его переводят в тюрьму инквизиции в Риме, где он и остается до дня своей казни. В течение семи лет философа содержат в тюрьме в ужаснейших условиях, подвергают постоянным допросам и мучительным телесным пыткам, надеясь сломить его волю, добиться его раскаяния и отречения от всех своих идей и учений, признания заключенной в них ереси.

Все документы и свидетельства современников подтверждают, что Бруно держался с непоколебимым мужеством, твердостью и непримиримостью. Чем дольше продолжались пытки, тем сильнее становилось священное упорство философа, отвечающего на все вопросы одними и теми же словами: «Я не должен и не желаю отречься, мне не от чего отречься, я не вижу оснований для отречения...»

Смертный приговор Бруно был изложен инквизицией в пяти документах: «Призвав имя господя нашего Иисуса Христа и его преславной матери приснодевы Марии... называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаившегося, упорным и непреклонным еретиком... Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной Церкви, милосердия которой ты оказался недостойн...»

Услышав приговор, в зловещей тишине Джордано Бруно произносит последние слова перед смертью: «Кажется, что вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его».

Образцом чудовищного лицемерия является просьба о более мягкой казни для Бруно – «без пролития крови, учитывая посмертную судьбу» его «еретической души». На самом деле просьба состояла в том, чтобы из двух форм казни, предусмотренных для еретиков, выбрать вторую – осужденного не четвертовать раскаленными щипцами (так как в этом случае его душа попадет в ад), а сжечь без пролития крови (такой вариант оставляет еще шанс на пребывание души в раю).

Казнь состоялась 17 февраля 1600 года на Площади Цветов в Риме. Отмечая очередной церковный праздник, город бурлил сотнями тысяч паломников. Во всех церквях читались мессы, распевались псалмы, шествия с образами святых отовсюду направлялись к собору Святого Петра. Костры на Кампо ди Фьори входили в обычную программу праздника. Еще папа Климент VIII провозгласил, что перед началом церковных торжеств нужно воздать хвалу

Господу святым делом – осуждением и сожжением еретиков. Казнь Бруно происходила под утро, при свете факелов. Чтобы продлить мучения казнимого, сначала развели небольшой костер и постепенно усиливали огонь, подбрасывая сухой хворост. Все то время, пока пламя постепенно пожирало тело философа, его живой взгляд не переставал скользить по собравшейся толпе. Бруно умер молча, не проронив ни слова, не издав ни стона.

Так ушла с арены этого мира Душа одного из благороднейших людей эпохи Возрождения, оставив за собой божественные следы.

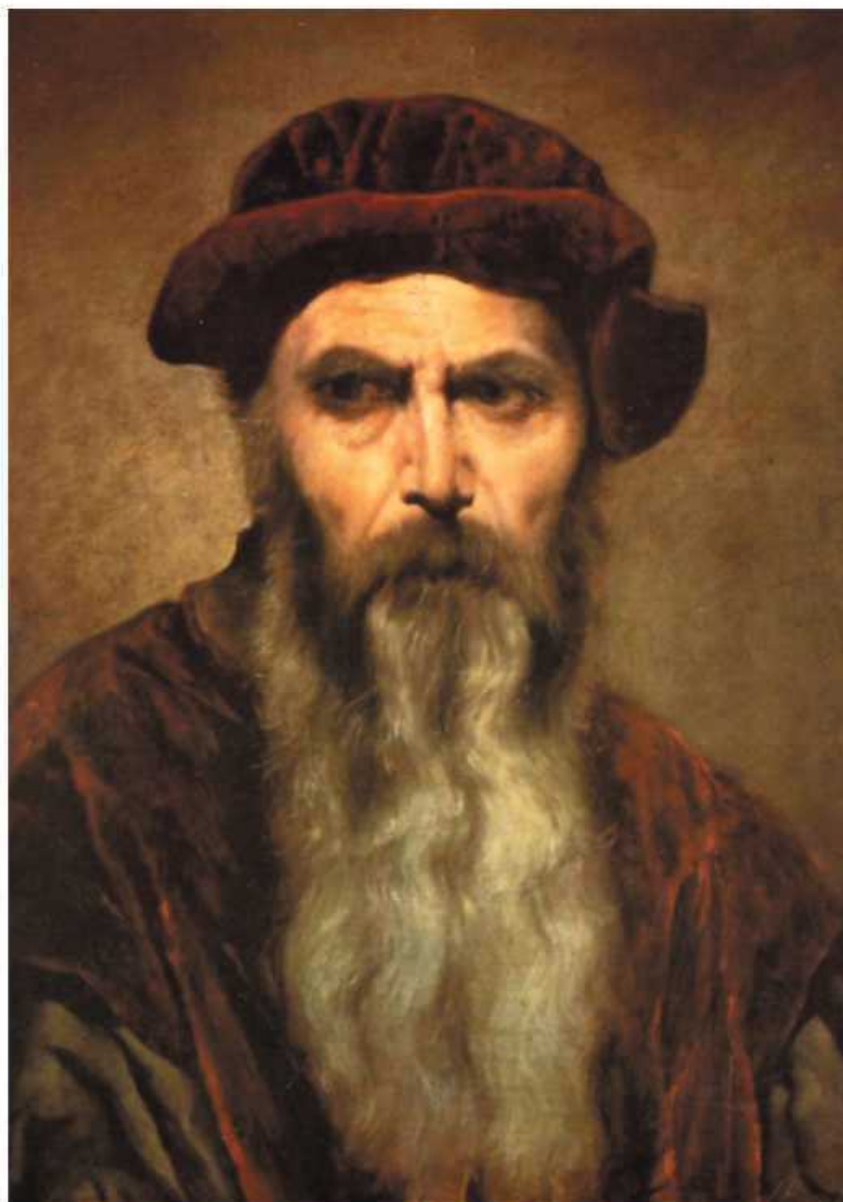
В качестве эпитафии мы процитируем слова профессора Х. А. Ливраги: «Никогда не забывайте: следы Титана разные, но звезды, отражающиеся в этих следах, – всегда одни и те же...»

Иоганн Гутенберг: человек тысячелетия **Наталья Алякринская**

XX век уходит, уводя с собой целое тысячелетие. Оно подарило человечеству массу открытий. Но среди них было одно, которое потомки назвали самым важным. Речь не о пенициллине или электричестве, не об атомной энергии или компьютере.

Человеком тысячелетия ЮНЕСКО объявило Иоганна Гутенберга, изобретателя европейского книгопечатания. Скромный немецкий труженик, не оставивший свое имя ни на одной созданной им книге, перевернул всю европейскую культуру и подарил ей возможность небывалого взлета...

Все написанное об Иоганне Гутенберге едва ли дает представление о нем как о человеке – Человеке Возрождения, гении со смятенной душой, окрыленном идеей победы слова над временем. Его образ крайне туманен – как и его биография. Цепляясь за внешнюю канву фактов, пытаюсь представить, как он жил, что за люди его окружали, какие мысли владели им... И больше всего догадываюсь о том, что он был бесконечно одинок – как любой человек, отважившийся опередить свою эпоху.

Иоганн Гутенберг

...Начало XV века. Средневековая Германия. Город Майнц. Кто знает, состоялся бы Гутенберг как человек своего тысячелетия, если бы не Майнц – город непревзойденных ювелиров, литейщиков и граверов. Это была первая – и самая главная – школа Гутенберга: в этом городе мастеров идеи буквально носились в воздухе, а руки соперничали с разумом. Юный Иоганн быстро освоил ювелирное и гравёрное искусство, литейное дело. В частности, овладел он и техникой резьбы печатей и штемпелей для чеканки монет (не здесь ли корень его будущей, до гениальности простой идеи?). Гений Возрождения – по определению универсален, и именно Майнц сделал Гутенберга универсалом.

Но было в его жизни и другое. Обстоятельства часто вынуждали Гутенберга вести практически кочевую жизнь, полную лишений. Первый раз он стал изгнанником в 20 лет: майнц-

ские ремесленники вытеснили из города местных «патрициев», и Гутенберг (чья семья принадлежала к знатному роду) был вынужден поселиться в Страсбурге. Жизнь в родительском доме, полная достатка и даже роскоши, закончилась навсегда. Пришла бедность – верная спутница и нечаянная вдохновительница многих великих открытий. Она не отпускала Гутенберга почти до конца жизни. И именно она побудила его заняться в Страсбурге предпринимательством.

Гутенберг начал с производства зеркал. Но в его «зазеркалье» тем временем уже зрело главное дело жизни. Мы не знаем, что именно натолкнуло Гутенберга на открытие. Но знаем, что он вынашивал его десять лет, бережно храня свою тайну от посторонних глаз... Во Франкфурте-на-Майне есть памятник Иоганну Гутенбергу: великий книжник стоит в полный рост, а в левой руке держит маленькую литеру. Этот столбик с вырезанным на нем изображением буквы стал символом новой эры в истории человечества. Человечество снова переживало детство – складывая слова из «касс» букв и слогов. Но это было особое детство – детство Возрождения...

Конечно, попытки множить книгу печатным способом были и до Гутенберга. Например, с помощью ксилографии – печатания с цельногравированных деревянных досок. Но этот способ был чрезвычайно неудобен и сопровождался невероятным количеством ошибок. Гутенберг догадался разрезать эту деревянную доску на отдельные буквы – и получил типографский набор. Деревянные литеры были подвижны и легко заменяемы. Правда, они очень быстро изнашивались. Но Гутенберг выходит из положения, изобретая специальный металлический сплав (гарт) и форму для отливки литер. Наконец, он создает первый печатный станок, приспособив для типографских нужд ручной винтовой пресс. Это был «человек-оркестр» – целый творческий коллектив в одном лице. На вопрос – что же изобрел Иоганн Гутенберг? – правильное всего будет ответить: он разработал типографский процесс в целом и создал европейский способ книгопечатания.

Вряд ли Гутенберг до конца осознал, что он сделал. Рукописные фолианты, целые гильдии переписчиков – с изобретением Гутенберга все это вдруг стало стремительно становиться историей. Сегодня мы с изумлением узнаем, что в средневековой Италии за экземпляр книги Тита Ливия можно было купить роскошную виллу, а книги в библиотеках во избежание кражи приковывали к стенам цепями! Гутенберг разорвал эти цепи, дав книге свободный полет. Еще недавно считавшаяся роскошью и достоянием избранных, книга могла теперь попасть в руки простого человека – как бы по-марксистски это ни звучало. Гуманистические идеи получили долгожданную свободу выражения. Европа по-новому обретала античность и стряхивала с себя пыль средневековой схоластики. Она возрождалась – для новых знаний и нового творчества...

Увы, любое достижение человеческого разума можно обратить не только во благо, но и во зло. Книгопечатание не стало счастливым исключением, открыв дорогу не только просвещению, но и распространению «бытовой» литературы. Стремительное наступление «масскультуры» уже в нашем веке, который Гессе называл «фельетонной эпохой», – во многом тоже плод изобретения печатного станка... Однако – к счастью – Историю вспять не повернешь. А дело, которому посвятил свою жизнь Иоганн Гутенберг, безусловно было одним из камней того пути, по которому История идет вперед.

Однако идеи Гутенберга воплощались в жизнь мучительно. Ему фатально не везло. Нехватка денег на эксперименты, вечные долги, затем – череда судебных процессов. И снова нищета. Боясь преследования кредиторов, Гутенберг скрывался и не ставил своего имени на печатаемых книгах. Именно поэтому учеными долгое время обсуждался так называемый «гутенберговский вопрос» – вопрос о приоритете изобретения книгопечатания. Голландцы настойчиво оставляли его за своим соотечественником Лауренсом Костером. Бельгийцы до сих пор считают первым типографом человека по имени Жан Брито. А в маленьком итальянском городке Фельтре стоит памятник поэту и доктору права Памфилио Кастальди. На его постаменте надпись: «Изобретатель книгопечатания».

Здесь, пожалуй, уместнее всего процитировать Гете, сказавшего несколько веков спустя: «Что носится в воздухе и чего требует время, то может возникнуть одновременно в ста головах без всякого заимствования». Действительно, еще при жизни Гутенберга книгопечатание стало распространяться по Европе с поразительной быстротой. За 40 лет в 260 городах возникло более тысячи типографий: Германия (1450 г.) – Италия (1465) – Швейцария (1468) – Франция (1470) – Бельгия и Венгрия (1473) – как по бикфордову шнуру, огонь, зажженный Гутенбергом, бежал по всем европейским странам. Эти типографии выпустили в свет около 40 тысяч книг общим тиражом в 10–12 миллионов экземпляров!

Любопытно, что во Франции появление первой печатной Библии вызвало судебные процессы о колдовстве: церковники не верили, что человек мог без участия дьявола извлечь из одной рукописи так много экземпляров. По злой иронии судьбы, Библию в Париж привез Иоганн Фуст – тот самый Фуст, который был компаньоном Гутенберга, разорил его и отсудил у него типографию. Обвиненный в колдовстве, Фуст попал в парижскую тюрьму, где вскоре умер от чумы. Однако почти 200 лет изобретение Гутенберга приписывалось именно Фусту. И лишь благодаря одному из самых талантливых учеников Гутенберга – Петеру Шефферу – удалось узнать правду. На одной из книг, напечатанных им вместе с Фустом, он сделал надпись: «В 1450 году в Майнце изобретено талантливым Гутенбергом удивительное типографское искусство, которое впоследствии было улучшено и распространено в потомстве трудами Фуста и Шеффера»...

О Гутенберге можно было бы не писать ничего – лишь привести один факт: свою первую, знаменитую 42-строчную Библию он печатал в течение пяти лет. Это был один из самых одержимых людей раннего Возрождения – и как большинство гениев, при жизни он был несчастен и гоним. Но и признание заслуг Иоганна Гутенберга перед человечеством оказалось поистине вселенским: памятник ему сегодня есть в каждом доме. Этот памятник – книга. Неважно, что на смену гутенберговской уже пришли другие технологии. (Пришли, впрочем, совсем недавно. Больше пяти веков книги печатали практически так же, как это делал Гутенберг!) Он подарил человечеству самое главное – возможность. И начало XXI века – это вовсе не конец книгопечатания. Это снова возможность – бесконечного совершенствования.

Думается, что слухи о скорой кончине печатного слова очень сильно преувеличены. Экран компьютера никогда не даст той теплой энергии, которая исходит от шелестящих страниц, – так же, как телефонный разговор не заменит живого общения. Наверное, даже самый завзятый пользователь Интернета готов повторить вслед за Цицероном: «Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души».

Флоренция превыше всего. Жизнь Никколо Макиавелли Илья Бузукашвили

В его жизни были взлеты и падения. Он познал сполна и милости Фортуны, и горечь поражений. Молва сделала из него жестокого циника, но он им никогда не был. Он умел хранить верность, извлекать уроки из прошлого и не мыслил себя без служения родному городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.